

Джавад Саид-Бурханович Файзуллаев

Лингвокультурология

**“Lesson Press”
Ташкент 2022**

УДК: 008(100)(575.1)

ББК: 81.2-5

Джавад Саид-Бурханович Файзуллаев

Лингвокультурология. Монография. – Т. Издательство ООО “Lesson Press” – 2022 г. - 99 с.

Монография посвящена характерной черте науки о языке конца XX - начала XXI века составляет ориентация на переход от описания языка как системы («в себе и для себя») к представлению о языке как одном из самых выразительных способов фиксации знаний человека о мире и о самом себе, т.е. о языке как «части человека». Это нашло свое выражение в попытках рассмотреть единицы языка в широком культурологическом контексте - в аспекте участия языка в созидании духовной культуры и участия духовной культуры в формировании языка. Язык - это универсальная форма концептуализации мира, хранитель стихийного знания о мире, историческая память народа, «зеркало» его культуры. Такой подход к изучению языка был назван антропоцентрическим, и он ввел в обиход множество новых (или «хорошо забытых старых») научных понятий и терминов. Стремление к постижению сущности языка сквозь призму «человека говорящего» определило такое направление лингвистики, как лингвокультурологическое, в котором базовыми становятся понятия языковой картины мира, языковой личности и концепта.

Ответственный редактор:

Кандидат филологических наук. Доцент Магдиева С.С.

Ташкентский государственный педагогический университет

имени Низами

Рецензенты:

Расулов Р. Профессор кафедры узбекского языкознания ЧГПУ

ISBN: 978-9943-8937-1-9

©Издательство ООО “Lesson Press”, 2022г

ВВЕДЕНИЕ

Характерную черту науки о языке конца XX - начала XXI века составляет ориентация на переход от описания языка как системы («в себе и для себя») к представлению о языке как одном из самых выразительных способов фиксации знаний человека о мире и о самом себе, т.е. о языке как «части человека». Это нашло свое выражение в попытках рассмотреть единицы языка в широком культурологическом контексте - в аспекте участия языка в созидании духовной культуры и участия духовной культуры в формировании языка. Язык - это универсальная форма концептуализации мира, хранитель стихийного знания о мире, историческая память народа, «зеркало» его культуры. Такой подход к изучению языка был назван *антропоцентрическим*, и он ввел в обиход множество новых (или «хорошо забытых старых») научных понятий и терминов. Стремление к постижению сущности языка сквозь призму «человека говорящего» определило такое направление лингвистики, как *лингвокультурологическое*, в котором базовыми становятся понятия *языковой картины мира*, *языковой личности* и *концепта*.

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык отражает определенный способ организации и восприятия мира. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель (картина) мира, или *языковая картина мира* - образ мира, отраженный в языке («в слове явленный»). Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов и представлений, характерную для всех представителей данного национально-культурного сообщества, - *когнитивную базу*, или стереотипы национально-культурного сознания.

Способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национален, лингвоспецифичен, так что носители разных языков видят

мир немного по-разному, через «призму» своих языков. Считается, что язык отражает наши обиходные, житейские представления о мире, поэтому языковую, или «наивную» картину мира обычно противопоставляют научной. Мирозидение, отражаемое в языке, осознается в контексте культурных традиций народа, т.к. язык не только отображает действительность в форме ее «наивной» картины, которая «навязывается» как обязательная всем носителям языка, но и воспроизводит из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа, бытовые представления, обычаи, нравы.

Изучение языковых моделей мира становится объектом интерпретации целого комплекса наук о человеке: этнолингвистики, психоллингвистики, когнитивной лингвистики и т.п., т.е. языковая картина мира рассматривается в широком контексте фольклора, мифологии, культуры, психологии народа. Необходимость изучения базовых компонентов того культурного ядра, которое является достоянием всех членов лингвокультурного сообщества, объясняется и тем, что без знания этих компонентов адекватная коммуникация невозможна. Поэтому самой актуальной задачей обучения языку является изучение его в неразрывном единстве с миром и культурой народа, говорящего на этом языке.

Объединяющей дисциплиной, в которой делается акцент на язык как сокровищницу культуры данного народа, является *лингвокультурология*. В ней изучаются различные языковые единицы (слова, фразеологизмы, пословицы и поговорки, метафоры и сравнения, тексты), в которых отражаются культурные ценности, *национально-культурная специфика* народа, его менталитет. Единицами изучения являются *концепты* - выраженные средствами языка знания (понятия, образы, ассоциации) о том или ином явлении русской культуры, об определенном фрагменте картины мира. Поскольку языковая картина мира закреплена в первую очередь в языковых формах, в лексике и

грамматике, то методом ее описания является в первую очередь семантический анализ языковых единиц.

Изучение языковой картины мира осуществляется лингвистами в нескольких основных направлениях:

1) Описание отдельных «фрагментов» общерусской языковой картины мира, ключевых концептов русской культуры. В рамках данного направления проводится изучение и описание таких концептов и лингвоспецифичных слов, как *воля, время, дом, дорога, душа, дружба, пространство, путь, родина, свобода, семья, судьба, тоска* и мн. др. (Вежбицкая, Шмелев).

2) Реконструкция целостной картины мира и ее лексикографическое описание. В рамках этого направления ведется составление словаря нового типа - интегрального толкового словаря, в котором в связи с антропоцентрическим направлением современной лингвистики семантическая информация дается «с позиций говорящего», т.е. человека, который является естественной точкой отсчета (Апресян).

3) Изучение языковой личности (коллективной и индивидуальной), на основе описания ее дискурса, ее словаря, в том числе языка писателя, а также на основе ассоциативного эксперимента как одной из методик, позволяющих выявить когнитивное пространство языковой личности (Караулов).

4) Прикладной, методический (дидактический) лингвострановедческий (россиеведческий) аспект - приобщение к русской культуре учащихся, изучающих русский язык как родной или иностранный, в процессе его изучения, через языковые единицы, их семантику и формы. Большое место в нем занимает лингвокультурологический анализ и комментарий т.н. «россиеведчески ценных» слов в изучаемых произведениях художественной литературы. Понятие «россиеведчески ценной лексики» (Денисова) - условное, лингводидактическое, используемое тогда, когда речь идет о

приобщении к русской культуре в процессе изучения русского языка, и касается слов, так или иначе отражающих в своей семантике своеобразие культурно-исторического опыта народа - носителя языка. В связи с этим возникло и особое направление в учебной лексикографии: составление лингвострановедческих и лингвокультурологических учебных словарей (Верещагин, Костомаров).

В рамках последнего направления предлагается и данная программа курса «Лингвокультурология».

Тема 1. Язык как культурный код нации. Антропоцентрическая парадигма языка. Язык и личность. Лингвокультурология .

В последнее время все активнее разрабатывается направление, в котором язык (и его единицы) рассматриваются как культурный код нации, а не просто как орудие коммуникации (общения) и познания. Язык рассматривается как путь, по которому мы проникаем в современную ментальность нации и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя, отголоски которых живут в языке, словах (в первую очередь в их этимологии), значениях, метафорах, символах культуры, фразеологизмах, пословицах и поговорках. Большая часть информации о мире приходит к человеку через язык и с помощью языка, через СЛОВО, поэтому человек живет более в мире слов и понятий (концептов), чем в мире вещей. Философы даже говорят, что успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, т.е. понимает его, те глубинные культурные смыслы, которые вложили в него (слово) предки. Необходимость изучения базовых компонентов того культурного ядра, которое является достоянием всех членов лингвокультурного сообщества, объясняется и тем, что без знания этих компонентов адекватная коммуникация невозможна (как внутри сообщества, так и за его пределами, в инокультурной среде).

Язык и культура находятся в тесном взаимодействии (взаимовлиянии, взаимозависимости). Несмотря на универсальность некоторых когнитивных (мыслительных) и языковых процессов и понятий (концептов), общечеловеческой культуры нет, как нет и общечеловеческого языка (если он не искусственно придуман), т.к. существуют различия в восприятии, членении и категоризации окружающего мира представителями разных народов (этносов), что находит свое выражение в языке. (Основополагающими в этом направлении были идеи немецкого философа Вильгельма фон Гумбольдта, а затем американского ученого Э.Сэпира, который так определил соотношение языка и культуры: «Культуру можно

определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают». Эти идеи пронизывали и многие работы русских ученых начала и середины XX века: В.В.Виноградова, А.А. Потебни, Л.В. Щербы и др.)

Проблема соотношения языка и культуры является сейчас центральной для многих наук гуманитарного цикла, в том числе лингвистики (психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и др.). В этом видна ярко проявляющаяся тенденция лингвистов к антропоцентризму, т.е. человеку как точке отсчета. Эта новая антропоцентрическая модель (или парадигма, т.е. идея, метод, аспект) изучения языка (по сравнению с предыдущими: сравнительно-исторической XIX века и системно-структурной XX века), ключевая для лингвистики конца XX — начала XXI века, представляет собой переключение интересов с объекта исследования (и познания) на субъект, т.е. в сторону человека в языке и его места в культуре и языка в человеке. Таким образом, в центре внимания оказался человек как носитель языка и культуры, или языковая личность.

Языковая личность — это человек говорящий (homo loquens), т.е., по определению Ю.Н. Караулова, «совокупность (набор) языковых способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых поступков и произведений (дискурса)». В структуре языковой личности выделяются три составляющих уровня:

- 1) вербально-семантический (владение словарем и грамматикой, т.е. системой языка);
- 2) когнитивный (лингвокультурная компетенция о языковой и концептуальной картинах мира, когнитивное пространство личности);
- 3) прагматический (наличие оценок, коннотаций, мотивов и установок речи).

О первом и третьем уровнях мы уже говорили в связи с изучением слова как единицы языка. Здесь речь пойдет о второй составляющей языковой личности — когнитивной базе и языковой картине мира.

Таким образом, можно говорить об общерусской языковой личности (которой осознает себя каждый русский) и индивидуальной языковой личности, ее идиолекте.

Изучение языковой личности опирается на анализ его дискурса (текста, речи). Полное описание языковой личности в целях ее анализа предполагает: 1) характеристику семантико-структурного уровня ее организации; 2) реконструкцию языковой картины мира данной языковой личности, ее когнитивного пространства, ключевых концептов; 3) выявление ее жизненных установок, приоритетов и т.п. Таким образом может быть составлен языковой портрет личности.

Продуктом антропоцентрической парадигмы в языкознании стало появление таких направлений в лингвистике, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Когнитивная лингвистика изучает процесс обработки информации человеческим сознанием, т.е. отвечает на вопрос: как человек познает мир, как создаются ментальные пространства.

Лингвокультурология изучает соотношение языка и культуры, язык как феномен культуры, т.е. отвечает на вопрос: каким человек видит мир и как это видение выражается в языке (в слове, метафоре, символе, фразеологизме). Лингвокультурология, по определению В.А. Масловой, — «это направление лингвистики, которое изучает определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как носитель определенной ментальности». Лингвокультурология, таким образом, — дисциплина смежная между языкознанием и культурологией и имеет свои единицы изучения — лингвокультурема и лингвокультурологическое поле, представляющие собой (в отличие, например, от лексем и семантического поля) единство лингвистического и экстралингвистического (внеязыкового) содержания («культурные смыслы»).

Так, лингвокультурема СНЕГУРОЧКА, например, не только слово, образованное от СНЕГ и входящее в семантическое поле слов СНЕГОВИК,

СНЕЖКИ и т.п., но и понятие русской культуры — персонаж русской народной сказки, символ смены времен года, связанный с древними обрядами и поверьями (например, днем Ивана Купалы) и т.п. Этот образ воссоздан и в литературе (пьеса А.Н. Островского), и в живописи (картина В.М. Васнецова). Она же — постоянный атрибут новогоднего праздника, внучка Деда Мороза.

Объектом изучения в лингвокультурологии является языковая картина мира, предметом — слова и выражения, в которых она проявляется (ключевые слова и концепты русской культуры). Многие знакомые нам в курсе лексикологии понятия приобретают в данном аспекте новую интерпретацию:

культурные семы — семантические множители, характеризующие национальную культуру (национально-культурный компоненты, национально-культурные коннотации);

культурный фон (лексический фон) — фоновые знания социально-исторического характера (социально-исторические коннотации);

культурные концепты — понятия национальной культуры;

ключевые концепты культуры — базовые единицы картины мира, наиболее значимые для данной этнокультурной общности и т.п. (подробнее об этом можно посмотреть в учебнике В.С. Масловой «Лингвокультурология»).

Тема 2. Языковая картина (модель) мира. Типы картин мира.

Остановимся на понятии — языковая картина мира (ЯКМ).

Вот несколько ее определений: ЯКМ — это

- 1) «специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке» (В.А. Маслова);
- 2) «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» (Е.С. Яковлева);

3) «отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности» (В.Г. Гак);

4) «образ мира, запечатленный в языке» (В.И. Постовалова) и др.

Итак, в определении ЯКМ все выделяют две главных составляющих: внеязыковая действительность, т.е. окружающий мир, вернее — его образ, и — язык (его формы, единицы), отражающий ее, т.к. «в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира» (Ю.Д. Апресян), который и был назван языковой картиной мира. Это относительно новое понятие уже осознавалось в работах семасиологов, в частности в известной статье В.В. Виноградова «Основные типы лексических значений», где он писал о ЯКМ несколькими другими словами — как о понимании «кусочка действительности» и его «отношений к другим элементам той же действительности, как они осознаются обществом, народом в известную эпоху». Очень точно выразил эту мысль замечательный русский поэт Борис Пастернак: «образ мира, в слове явленный» — вот краткое и образное, поэтическое определение ЯКМ.

В.А. Маслова считает, что ЯКМ выражает реальность через концептуальную картину мира (ККМ) и предлагает следующую классификацию картин мира:

картина мира (КМ) = реальная КМ — знания о мире, логическое отражение мира в сознании людей;

концептуальная картина мира — это отражение реальной КМ через призму понятий (концептов), сформированных в определенной социокультурной общности. (Она специфична у разных народов, т.е. каждый народ видит мир немного по-своему. Таким образом, отдельные фрагменты КМ могут быть универсальными или национальными)

языковая картина мира — это отражение реальной КМ через призму культурной (концептуальной) КМ и выражение ее в формах национального языка, его единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов и их значений). Она тоже специфична, национальна, как национален каждый язык.

Таким образом, ЯКМ в целом совпадает с реальной картиной мира, но преломляется (в отдельных ее участках) через призму национальной культуры и национального языка: его лексики, грамматики, фразеологии. Например, ФЕ *у него (меня) душа (сердце) в пятки ушла (о сильном испуге) // душа (сердце) в пятках* в английском языке соответствует ФЕ *his heart in his boots* (сердце в ботинках, сапогах). Как видим, образ «падения» души (сердца) как «органа чувств» является универсальным, а место падения — национально окрашенным: очевидно, для русского перемещение души осознается возможным лишь в пределах тела, для англичанина же эта возможность расширена — местом «падения» может быть и обувь.

ЯКМ, кроме того, наивна (наивная КМ), т.е. это стихийный (донаучный), традиционный взгляд на мир (в отличие от научной КМ, основанной на научных знаниях). Это различие мы видели в разнице обиходных и терминологических значениях слов, вспомним пример со словом ВОДА). Еще Л.В. Щерба («Опыт общей теории лексикографии», 1940) отмечал, что ЛЗ слова есть такая сущность, которая представляет собой закрепленное в сознании носителей языка «наивное», «обывательское» понятие о некоторой вещи или явлении. При этом следует иметь в виду, что оно «наивно» лишь в том смысле, что существенно отличается от научного понятия. Наивные понятия не примитивны и во многих отношениях не менее сложны, чем научные. Они проявляются в таких словах и выражениях, как ГОРИЗОНТ («воображаемая и, как нам кажется, видимая линия соединения земли и неба и часть пространства над ней»; ср. выражения: *из-за горизонта, на горизонте, за горизонтом* — в научной картине мира такого понятия нет), НЕБО (в древности — воображаемый купол над землей, к которому как бы прикреплены светила: отсюда и выражение «*звезды на небе зажглись*»), позднее — воздушное пространство над землей, которое можно увидеть, посмотрев на улице вверх (*в небе летают ласточки и самолеты*); сочетания *солнце встало, взошло, закатилось за горизонт* (в научной КМ не солнце, а земля вращается вокруг солнца, но видим-то мы иначе, вспомним, как

говорил об этом доктору Ватсону Шерлок Холмс: «мои глаза говорят мне другое») и т.п.

ЯКМ может быть общей (общенациональной, общерусской — т.е. одинаковой для каждого говорящего на русском языке и воспитанного на русской культуре) и индивидуальной (для определенной языковой личности, в определенном идиолекте, т.е. индивидуально-авторской). Например, в слове ДАЛЬ отражен один из пространственных концептов русского языка (простирающийся далеко), который неразрывно связан с таким национально окрашенным концептом, как *простор (родной земли)*, наиболее ярко отраженный в словах известной песни советских времен «*широка страна моя родная*» или «*от Москвы до самых до окраин*» (ср. также и слова Н.В. Гоголя: «*Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!*»). А вот в поэме А.Т. Твардовского «За далью — даль» это слово наполняется еще и индивидуально-авторскими приращениями смысла, — с одной стороны, конкретными понятиями: «определенный край, часть страны — Волга, Урал, Сибирь, Дальний Восток, — все, что «далеко от Москвы», основные вехи пути автора от Москвы до Тихого океана, что нашло выражение в конкретных сочетаниях типа «*а там своя, иная даль*», «*другая даль*», «*за далью — даль*»; с другой — это и *даль* как категория временная (даль памяти), что выражается в лирических отступлениях-воспоминаниях о тех или иных событиях из жизни страны или биографии автора.

ЯКМ динамична, т.е. изменяется во времени (вспомним изменение представления о небе). Поэтому при изучении языка с точки зрения КМ, в лингвокультурологическом аспекте исследователи занимаются реконструкцией культурных мотиваций, т.е. обращаются к истории культурных представлений носителей языка. А язык, слова — это зеркало, в котором эти представления отражены. Именно в связи с этим В. фон Гумбольдт говорил о внутренней форме языка, а А.А. Потебня о внутренней форме слова. Ю.С. Степанов в своем словаре «Константы. Словарь русской культуры» так и рассматривает основные концепты русской культуры,

реконструируя внутреннюю форму слов — имен концептов, т.е. с точки зрения их истоков, этимологии. Таким образом, ЯКМ — это, по словам Е.С. Яковлевой, «историческая память языка о слове (концепте) и его семантическом ореоле».

Изучение взаимоотношения языка и культуры – один из центральных вопросов в языкознании. К вопросу о соотношении языка и культуры обращались многие крупные лингвисты, такие, как, например, В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня в работе «Мысль и язык», И.А. Бодуэн де Куртэне, Р.О. Якобсон, Д.С. Лихачев и другие.

Язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре [Маслова: 2001, стр. 59].

Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны, высказывал ещё Л. Ельмслев, отмечавший, что структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное её отражение [Цит. по: Маслова, 2001, стр. 59]

Одним из первых исследованием роли языка в процессе формирования этического опыта и культуры занимался В. фон Гумбольдт. Согласно ученому, оба феномена, и культура и язык, определяются соответствующим этносом, «духом» народа. Язык у исследователя – константа, универсально выражающая этнический опыт народа. «Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей, только уводит. Такое исследование языка самого по себе должно объять все различия, поскольку каждое из них принадлежит к понятийному целому» [Гумбольдт: 1984, стр. 45]

В. Гумбольдт говорил о том, что язык проявляется как традиция, где невозможно определить начальный этап становления языка, ведь «каждый данный язык данной нации уже перешедшем в определённом состоянии с определёнными словами, формами и словоизменениями и поэтому уже

оказавший на эту нацию воздействие, которое объяснялось не простой реакцией на более раннее воздействие со стороны этого народа, но самим характером языка» [Гумбольдт: 1984, стр. 373].

Учёный указал на возможность и объективность иного – нетрадиционного взгляда на лингвистические исследования. Идеи В. Гумбольдта о взаимодействии языка и национальной культуры так или иначе использовали ученые всего мира. Наиболее подробно разработкой идей исследователя занимались Э. Сепир и Б. Уорф.

По мнению Э. Сепира, культура не просто поведение, а «абстрагирование» от поведения. Понимание культуры как совокупности обобщенных форм, моделирующих типы поведения, и языка как систему знаков привело исследователей к идее изоморфности знаковых систем, отличающихся лишь различием в конфигурации составляющих их частей [Сепир:1993, стр. 43].

Б. Уорф в ходе своего исследования приходит к заключению, что язык как система слишком сложен и недостаточно чуток для немедленного отражения новшеств, «тогда как в сознании производящих изменение это происходит моментально». В связи с этим Б. Уорф решает, что «хотя язык и культура взаимообусловлены и развиваются параллельно, природа языка является тем фактором, который ограничивает его свободу и гибкость и направляет его развитие по строго определенному пути [Уорф, 1999, стр. 92].

Дальнейшие исследования вылились в формирование культурной антропологии. Представителями этого направления язык относится к культуре как часть к целому, язык, как и культура, определяется этническим взглядом на мир, «национальным характером» народа.

В России исследование взаимоотношения языка и культуры берёт своё начало с XVIII века, в трудах М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, после продолжается в работах А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова и др. вплоть до современных исследований.

Современные исследователи рассматривают цепочку взаимодействий «язык – культура – этнос». Язык, по их мнению, является «важнейшим средством объективации культуры, язык активно участвует на всех этапах духовного освоения действительности: при производстве и хранении духовных ценностей, при их распространении, при их восприятии» [Нещищенко, 2000, стр. 31].

При рассмотрении вопроса связи языка и культуры важным оказывается понятие **языковой картины мира (ЯКМ)**. Важно отметить, что слово отражает не сам предмет реальности, а то видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете.

В настоящее время можно говорить о целых направлениях в современной лингвистике в рамках проблемы языковой картины мира. В отечественной лингвистике общетеоретические положения изложены в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелёва и других.

Ю.Н. Караулов так определяет ЯКМ: «ЯКМ – отражённая в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений о человеке и окружающем его мире, сотканная из противоречащих друг другу тезисов, факторов и утверждений <...>, которые соединены прихотливо мозаичным (несистемным) образом и создают у носителя языка иллюзорную уверенность, что в рамках своей национальной культуры он найдет ответы на все основные вопросы бытия» [Караулов, 1999, стр. 156].

Под ЯКМ Е.С. Яковлева предлагает понимать «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности», «мировидение через призму языка» [Яковлева, 1996, стр.47].

В. Н. Телия подчеркивает, что ЯКМ является продуктом сознания, который «возникает в результате взаимодействия мышления,

действительности и языка как средства выражения мыслей о мире, в актах коммуникации» [Телия, 1988, стр. 179].

З.Д. Попова И.А. Стернин считают, что ЯКМ создается: 1) номинативными средствами языка – лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, фиксирующими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц; 2) национальными паремиями; 3) функциональными средствами языка – отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц; 4) образными средствами языка – национально специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц [Попова, Стернин, 2008, стр.45].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Маслова, 2001, стр.?].

Одна из самых активно изучаемых проблем в современном языкознании – вопрос об отражении в языке представлений и знаний человека об окружающей действительности. Данная проблематика обретает особую актуальность в связи с общей антропологической направленностью науки на рубеже XX и XXI веков. Этот же период ознаменовался в современном языкознании становлением когнитивной лингвистики, хотя и ее предмет – особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке (А.А. Потебня, И.А. Бодуэн дэ Куртенэ и др.)

Когнитивная лингвистика на современном этапе - ветвь лингвистического функционализма, считающего, что языковая форма производна от функций языка. Когнитивное направление функционализма особо выделяет роль когнитивных функций и предполагает, что остальные функции выводимы из них или сводимы к ним. Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских лингвистов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Рэя Джакендоффа и ряда других ученых. Труды этих ученых и развитие проблематики когнитивной лингвистики подробно рассмотрены и охарактеризованы в работах Е.С. Кубряковой, А. Ченки (Е.С. Кубряковой 1994а, 1997,1999; А. Ченки 1996). Труды Е.С. Кубряковой стали фундаментальными, они легли в основу когнитивной лингвистики в России.

Когнитивная лингвистика – направление, в центре внимания которого находится язык как общий механизм, антропологический подход - методообразующий принцип лингвистического исследования, в центре внимания которого находятся проблемы изучения языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью, когда любое познание человека, его личности неполно и даже невозможно без изучения языка.

Основы подобного подхода заложил В. фон Гумбольдт, говоривший о том, что языковая система не есть прямое отображение мира в языковой семантике разных уровней, но представляет собой особым образом организованную «другую реальность». «Там, где по наивной логике человеку дан непосредственный доступ к предметному миру, должно быть обнаружено опосредующее действие языка» [Гумбольдт 1984: 59]. Известна его мысль о том, что различные языки представляют собой различные видения мира. Ученый считал, что мышление не просто зависит от языка, но до известной степени прямо обусловлено языком этноса: в некотором смысле человек обращается с предметами так, как их преподносит ему его язык. Следовательно, структуралистское описание языковой системы как «вещи в

себе» ничего не дает для познания самой природы языковой деятельности: необходимо соотнесение языковых единиц со всеми видами духовной активности личности, социума и этноса.

Сходные идеи развивал и А. А. Потебня. Согласно его взглядам, поскольку лишь в слове творится мысль, исследователь обязан изучать человеческую мысль как историю именно языкового мышления. Скептически относясь к возможным логическим универсалиям, независимым от конкретного языка, А. А. Потебня настаивает, что «доля мысли, связанная со словом, – лично- и народно-субъективна», что «слово есть известная форма мысли, как бы застекленная рамка, определяющая круг наблюдений и известным образом окрашивающая круг наблюдаемого <...>, а это приводит к «перенесению свойства средства познания в само познаваемое...». Ученый полагал, что «настоящее, понимаемое другим, объективно существующее слово есть сущность вещи <...>» [Потебня 1990: 263].

Одним из основных понятий антропологического направления является понятие **картина мира**. Данное понятие впервые было употреблено известным австрийским философом Людвигом Витгенштейном (1889-1951) в его знаменитом «Логико-философском трактате» (труд был написан в 1916-1918 гг. и опубликован в Германии в 1921 г.). По мнению Л.Витгенштейна, мир вокруг нас – это совокупность фактов, а не вещей, и определяется он исключительно фактами. Человеческое сознание создает для себя образы фактов, которые являют собой определенную модель действительности. Эта модель, или картина фактов, воспроизводит структуру действительности в целом или структуру её отдельных компонентов (сайт <http://www.portal-slovo.ru/>).

Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Если мир - это человек и средства в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины

мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Картина мира (модель мира, образ мира) относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношений его с миром, важнейшие условия его существования. Р. В. Анисимова предлагает под картиной мира (КМ) понимать «совокупность научных знаний, религиозных представлений, эстетических, художественных и моральных ценностей определенного социума, проживающего на определенной территории в конкретную историческую эпоху, закреплённых в различного рода текстах» [Анисимова 1989: 66]. Л. И. Гришаева и М. К. Попова определяют КМ как целостный образ мира, складывающийся в сознании человека в процессе познавательной деятельности.

Проблемой изучения картины мира занимаются не только лингвисты, но также другие ученые, деятельность которых связана с изучением человека: философы, культурологи, психологи.

В философии картину мира определяют как «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» (К. Ясперс) [цит. по: Яковлева 1996: 47] и выделяют чувственно-пространственную и духовно-культурную картины мира.

В психолингвистике под картиной мира понимается «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1997: 268]. То есть мир репрезентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы наложенных на восприятие этого мира. При этом А. А. Леонтьев отмечает неразрывность предметного значения с вербальным и ставит задачу синтезировать психолингвистическую теорию слова (знака) и психологическую теорию осмысленного образа. В этом случае предметные значения будут являться теми «кирпичиками», из которых строится картина мира [Леонтьев 1997: 268]. Явления и предметы внешнего мира

представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. По мнению А.Н.Леонтьева, существует особое «пятое квазиизмерение», в котором представлена человеку окружающая его действительность: это – «смысловое поле», система значений. Тогда картина мира – это система образов.

Между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка. Именно человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка. Иначе говоря, между реальностью и языком стоит мышление. Язык как способ выразить мысль и передать ее от человека к человеку теснейшим образом связан с мышлением. Соотношение языка и мышления – сложный вопрос и языкознания, и философии.

Слово отражает не сам предмет реальности, а то видение, которое навязано носителю языка имеющимися в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких признаков, образующих это понятие, и потому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями), так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивиду), то язык отражает действительность не прямо, а от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Таким образом, «язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов» [Тер-Минасова 2000: 38-40].

Безусловно, язык и мышление – две самостоятельные области, хотя и тесно между собой связанные. По отношению к действительности «мышление есть форма и способ отражения, то есть образование вторичного идеального мира в сознании человека». Язык же выступает «как бы

вторичной формой существования мышления». Если «субстанцией мышления является мозг, то субстанцией абстрактных мыслительных форм является, в частности, звуковой язык». На этом основании и можно говорить, что «язык выражает мышление, а мышление отображает действительность». И это означает, что КМ – это «атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой КМ в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений» [Колшанский 1990: 23].

В то же время нельзя преуменьшать роль языка в формировании мышления. А. Р. Лурия отмечает решающую роль языка, как «системы кодов», в формировании отвлеченного мышления, «категориального» сознания, с помощью которых становятся возможными выход за пределы чувственного опыта, выделение признаков, формирование обобщений или категорий [Лурия 1998: 5-24].

В связи с разграничением понятий языка и мышления Б. А. Серебренников предлагает различать две картины мира – **концептуальную (ККМ)** и **языковую (ЯКМ)**. При этом концептуальная картина мира богаче языковой, потому что «в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные. В этом случае языковая картина мира выполняет две основные функции: 1) означивание основных элементов концептуальной картины мира и 2) экспликация средствами языка концептуальной картины мира» [Серебренников 1988: 6].

ККМ свойственна системность, упорядоченность, в ней главную роль выполняют научные представления и идеология. В ККМ входят концепты, которые основаны на опыте человека. Включен сюда и опыт «общения с языком». К тому же, так как практически все аспекты человеческой деятельности так или иначе связаны с языком, «многие концепты в ККМ выступают как бы «пропущенные» через языковые выражения и соотнесенные с вербальными формами». В ККМ происходит «сплетение концептов, имеющих языковое основание, с концептами иной природы», и в

то же время существеннейшая часть этих концептов «известны человеку в языковой форме» [Кубрякова 1988: 144-172].

В настоящее время можно говорить о целых направлениях в современной лингвистике в рамках проблемы языковой картины мира. В отечественной лингвистике общетеоретические положения изложены в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Брутяна, Т. В. Булыгиной, В. В. Иванова, Ю. Н. Караулова, Г. В. Колшанского, Б. А. Серебренникова, Ю. С. Степанова, В. Н. Телии, В. Н. Топорова, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлевой и других. В современной научной литературе часто как равнозначные синонимы употребляются понятия: «картина мира», «модель мира», «образ мира» и некоторые другие.

Соотнося ККМ и ЯКМ, А. А. Уфимцева выделяет: а) концептуальные поля, которые представляют сферу понятийного содержания, определяемого логикой предметного мира и логикой человеческого мышления, б) семантические поля, которые представляют лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия, в) ассоциативные поля, то есть разнообразные по характеру связи слов по смыслу, варьирующиеся от индивида к индивиду, от одной языковой личности к другой. При функционировании и восприятии языка эти три изоморфных вида полей взаимодействуют. ККМ организуется по законам физического мира, а ЯКМ – по законам языка, и тем не менее они сопрягаются [Уфимцева 1988: 138].

По мнению В. А. Масловой, «языковая картина мира предшествует концептуальной картине мира и формирует ее, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку». Именно в языке закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок: *солнце садится; атом* как мельчайшая частица;

фразеологизм *воспарить душой*, который связан с архаическими представлениями о наличии у человека души, которая мыслилась в виде пара и могла покидать тело, поднимаясь к небу [Маслова 2004 б: 67].

В отечественной науке обсуждение проблематики ЯКМ было начато философами (Г. А. Брутян, Р. И. Павиленис), лингвистическая разработка этого понятия развернулась в связи с тезаурусным изучением лексики и определениями принципов составления идеологических словарей, наиболее полно представленных работами Ю. Н. Караулова.

Ю. Н. Караулов так определяет ЯКМ: «ЯКМ – отраженная в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений о человеке и окружающем его мире, сотканная из противоречащих друг другу тезисов, фактов и утверждений <...>, которые соединены прихотливо мозаичным (несистемным) образом и создают у носителя языка иллюзорную уверенность, что в рамках своей национальной культуры он найдет ответы на все основные вопросы бытия» [Караулов 1999: 156]. В целом, ЯКМ носит донаучный, наивный характер, так как, в отличие от научной картины мира, не является логически и иерархически организованной. Она никогда не является также и полной, «представляя собой набор скрытых в языковых структурах, конструкциях и текстах сведений и умозаключений об устройстве мира, мотивировки которых зачастую опираются только на традицию, общепринятость, устойчивость, воспроизводимость и повторяемость, – на прецедент» [Караулов 1999: 89].

Под ЯКМ Е. С. Яковлева предлагает понимать «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности», «мировидение через призму языка» [Яковлева 1996: 47].

В. Н. Телия подчеркивает, что ЯКМ является продуктом сознания, который «возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире, в актах коммуникации» [Телия 1988: 179].

Особенность ЯКМ также и в том, что составляющие ее сведения чаще всего не даны непосредственно, а приводятся к выражению в результате анализа лингвиста, то есть они не доступны непосредственному знанию среднего носителя языка, который оперирует ими бессознательно.

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что ЯКМ создается 1) номинативными средствами языка – лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, фиксирующими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц; 2) национальными паремиями; 3) функциональными средствами языка – отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц; 4) образными средствами языка – национально специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц [Попова, Стернин 2007: 45].

Описание ЯКМ включает в себя: 1) описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях); 2) описание национальной специфики значений языковых единиц; 3) выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; 4) выявление эндемичных (свойственных только данному языку) единиц [Попова, Стернин 2007: 46].

Особенный интерес вызывает ЯКМ отдельной личности, обуславливаемая индивидуальным образом мира, складывающимся у каждого человека по-своему. Здесь мы касаемся проблемы «язык-человек», которая предполагает выяснение того, как человек видит мир, как он его осмысливает, интерпретирует. Особенно актуально познание реального мира писателем и его воплощения в художественно-образной речи. По мнению Д. М. Поцепни, система мыслей писателя об основах бытия, цельность развиваемой художественной идеи «формирует семантико-стилистическое

единство используемых словесных средств, одновременно целенаправленно преобразуя их семантические, сочетаемостные, экспрессивно-стилистические и словообразовательные свойства и соотношения» [Поцепня 1997: 29]. В художественном тексте как продукте речевой деятельности автор фиксирует свою ЯКМ, следовательно, возможна реконструкция модели мира автора по его произведениям.

З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют **когнитивную картину мира** – ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного отражения действительности в процессе мышления. Когнитивная картина мира – совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой [Попова, Стернин 2007: 37].

П. В. Соболев предлагает различать картину мира, «свойственную сознанию художника (в той или иной мере она объективируется в его произведениях) и генеральную картину мира, непрерывно творимую многими поколениями художников» [Соболев 1986: 32]. Он говорит о том, что «художественная картина мира – продукт такого отображения его явлений, при котором сохраняется их своеобразие и многомерность; в каждую эпоху она возникает как сложный результат множественных наложений вариантов нестереотипного видения мира, его понимания и оценивания» [Соболев 1986:36]. Поэтому главное значение художественной картины мира в преодолении «одностороннего сциентизма», в «гармонизации сознания, в совершенствовании «инструмента познания» – разума, а тем самым и процесса духовного освоения мира» [Там же].

З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что художественная картина мира (ХКМ) является вторичной, опосредованной картиной мира, «она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [Попова, Стернин 2007: 40].

Процесс декодирования художественной речи предполагает осмысление авторской картины мира и воссоздание ее с разной степенью приближения. Это становится возможным потому, что в художественном тексте как продукте речевой деятельности автор «вербально фиксирует свою концептуальную картину мира, следовательно, на основе языковых репрезентаций возможна реконструкция модели мира ККМ автора и представление определенного фрагмента ее содержания» [Попова, Стернин 2007: 38].

Одним из средств создания ХКМ является литература. В этом случае художественная картина мира заключена в текстах. Текст является объектом изучения в лингвистике, поэтому представляется возможным применить методы лингвистического анализа к выявлению заложенной в нем картины мира. В тексте главным способом воплощения художественной картины мира является язык, его единицы и средства.

Картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается: 1) в отборе элементов содержания художественного произведения; 2) в отборе языковых средств: использование определенных тематических групп языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства; 3) в индивидуальном использовании образных средств (система тропов). «В художественной картине мира могут быть обнаружены концепты, присущие восприятию мира только данного автора – индивидуальные концепты писателя» [Попова, Стернин 2007: 40].

Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами

мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно – исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений.

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Маслова, 2001].

Тема 3. Когнитология (когнитивная лингвистика, лингвоконцептология). Понятие концепта. Ключевые концепты русской культуры. Лексический состав русского языка как зеркало ЯКМ.

Методика лингвоконцептологического анализа.

Что же такое концепт? [Концепт](#), по определению Ю.С. Степанова, — это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека..., это как бы сгусток культуры в сознании человека». Итак, концепт — это определенное понятие о какой-либо вещи в национальной культуре и национальном языке. Концепт — это единица ментальности, а ментальность — это способ видения мира, миропонимание в категориях и формах родного языка; отсюда и менталитет — национальный характер, «склад души» народа.

Ключевые концепты национальной культуры — это обусловленные ею базовые (ядерные) единицы КМ, обладающие экзистенциальной (существенной) значимостью как для общества в целом, так для отдельной ЯЛ. Они находят в языке выражение в т.н. ключевых словах, т.е. таких, которые являются «ключом» для понимания тех или иных фрагментов культуры (А.Д. Шмелев).

Концепты культуры образуют в сознании человека некую концептосферу (термин Д.С. Лихачева, предложенный в статье «Концептосфера русского языка»). Они возникают в сознании человека не только как намеки на возможное значение, но и как отклик на предшествующий языковой опыт человека — поэтический, научный, социальный и исторический.

О ключевых словах (концептах) русской культуры пишут сейчас многие исследователи (А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев и мн. др.). Они делятся на универсальные категории культуры («космические», философские: *время, пространство, движение*); социальные категории культуры (*свобода, право, труд, богатство, собственность*) и национальные категории культуры (*воля, доля, интеллигентность, соборность* и т.п.). Последние могут быть как «крупными», так и «мелкими» (ср.: *время и завтра; бессмертие и Кощей*

Бессмертный); они могут называться как именами нарицательными (обобщенные понятия), так и именами собственными (конкретные понятия).

По А.Д. Шмелеву («Лексический состав русского языка как отражение русской души») для русской ЯКМ наиболее показательны:

1) слова универсальных философских концептов (*правда, долг, свобода, добро* и т.п.);

2) понятия, особо значимые для русской культуры (*судьба, жалость, душа* и т.п.);

3) уникальные русские концепты, специфичные для русской ментальности (*тоска, удаль* и т.п.);

4) «мелкие» слова как выражение национального характера (*авось* и др.: частицы, междометия).

Таким образом, язык, слово — это, по словам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, — «коллективная память носителей языка», «зеркало жизни нации».

Концептуальный анализ, взятый на вооружение когнитивной лингвистикой, позволяет рассмотреть многие культурные ценности и сферы культур мира.

Поскольку мы получаем сведения о концептах не из реального мира, а по их представлениям, реализациям в языке (вернее, в наивном сознании, закреплённом в языке), то двусторонние единицы естественного языка (прежде всего лексемы, слова и их сочетания) становятся как бы «телами» или «именами» концептов. Задача исследователя в таком случае заключается в моделировании концепта методом реконструкции его из языковых единиц (их формы, смыслов, этимологии и т.п.) и их связей (парадигматических и синтагматических) с другими единицами языка. Наиболее продуктивным в этом отношении является этимологический подход (Ю.С. Степанов) и полевой, или метод ассоциативно-семантического поля (В.В. Воробьев).

Например, концепт ДОМ («жилище человека») описан в работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Дом бытия языка» именно с

использованием последнего метода, в результате которого выясняется, что понятие ДОМ включает в себя следующие тематические (ТГ) и лексико-семантические группы (ЛСГ) слов и связанные с ними смыслы:

1) составные части дома:

СТЕНА (вертикаль: *лезть на стену*; прочность: *биться головой о стену*; защита: *дома и стены помогают*);

КРЫША (*кров, кровля; покров, покровительство* — защита: от *отчего крова до криминальной «крыши»* и *Божьего дома*); ПОТОЛОК (ограничение: *это его потолок*);

ОКНО (связь с миром: *выглянуть в окно, подслушивать под окном, «в Европу прорубить окно»*; защита: *закрой окно*);

ДВЕРИ (выход: *хлопнуть дверью*; вход: *ломиться в открытую дверь*; защита: *запри дверь*; ПОРОГ — рубеж, граница: *не пустить на порог, обивать пороги*).

Все составляющие русского дома, как мы видим, пронизаны символикой — и прежде всего связаны с защитой человека от внешнего мира: дом — оберег, спасение, укрытие, та граница, за которую не может войти чужой, чуждая сила. Дом (его стены, потолок, крыша) воспринимался как пространственная граница «своего» и «чужого». Не случайно многие названия этимологически и метафорически сближаются с частями человеческого тела: *окно* (*око* — глаз), *наличник* (*лицо*), *крыша* (*кров, покров* — одежда, прикрывающая тело от посторонних глаз), *устье* печи (*уста*, рот) и т.п. — все уподоблялось человеку или Вселенной (природе): например, двускатная *крыша* уподоблялась небосводу.

Немаловажную роль в символике дома играло и его назначение, и убранство и т.п., что мы выносим в следующую ТГ, включающую ДОМ в ряды смежных понятий и лексем (как старых, историзмов и архаизмов, так и новых, неологизмов, — т.к. концепт, как мы уже говорили, динамичен).

2) облик дома (виды домов): размер — *высотка* («*сталинские высотки*»), *пятиэтажка*, *одноэтажный дом*, *пятистенок*, *большой дом*,

особняк, избушка, домик; материал — сруб, шалаш, мазанка, палатка, шатер, кирпичный дом, деревянный дом, саманный дом; статус — богатый дом, купеческий дом, дворец, терем, палаты («Все в том городе богаты, Изоб нет, одни палаты»), хибара, трущобы, хрущобы, новый дом, старый дом, развалюха, барак); назначение — гостиница, притон, ночлежка, жилье, общага; метафоры и эпитеты — берлога, нора, конюшня, гнездо (« Варвара неутомимо украшала свое гнездо»), обитель, приют, храм; национальный тип — хата, изба, юрта, яранга, сакля и т.п.

3) ИЗБА как традиционное русское жилище представляет особую ТГ со своими составляющими: ПЕЧЬ — *труба* (связь с иным миром), *лежанка* (*Хочешь есть калачи — не лежи на печи*), *полати*; *утварь* (*ухват, чугунок*); СТОЛ — еда: *хлеб, пироги, щи, каша* (*Щи да каша — пища наша*); *самовар* («У самовара я и моя Маша»); УЮТ — *горница* («В горнице моей светло»), *лавка, красный угол, перина, подзор, занавески*; ДВОР — *колодец; собака, куры, корова, теленок*; СЕМЬЯ — *хозяин, хозяйка, домовой* («Храни меня, мой добрый домовый...») и т.п.

Концепты, как мы видим, пересекаются и могут входит как составляющие в поле другого концепта (например, ДОМ и СЕМЬЯ, ДОМ и УЮТ).

Основные положения когнитивной лингвистики. Понятие концепта.

Развиваемый в последнее время подход к лингвокогнитивным исследованиям обозначают как семантико-когнитивный. Главное положение этого направления заключается в том, что через изучение семантики языковых единиц можно проникать в концептосферу людей (под концептосферой понимается «упорядоченная совокупность концептов в сознании человека» [Попова, Стернин, 2008, с. 19]. Основной категорией когнитивной лингвистики является понятие «концепт». Концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются

ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом.

Так, Н.Д. Арутюнова говорит о концепте как о понятии практической (обыденной) философии, являющемся результатом взаимодействия ряда факторов: национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова, 1993, стр.3].

Термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат не только лингвокультурологии, но и когнитивной лингвистики и семантики. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной произвольностью его употребления. Размытостью границ, смешением с близкими по значению или по языковой форме терминами.

Существует несколько подходов к определению термина «концепт». Ю.С. Степанов определяет понятие концепта следующим образом: «Концепт это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, стр. 79].

Для П.В. Чеснокова концепт - это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, т.е. элементарная сторона внутреннего слоя» [Чесноков, 1967, стр. 173].

По мнению М.В. Пименовой, концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами [Пименова, 2009, стр. 54].

Для С. А. Аскольдова концепт «есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметоводного и того же рода» [Аскольдов, 1980, стр. 85].

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как комплексную ментальную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои, при этом соответствующие признаки или слои концепта могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека [Попова, Стернин, 2008, стр.15].

Во всех приведённых определениях концепта есть сходство – концепт определяется как дискретная, объемная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа. Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки:

1) **концепт** - это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

2) **концепты** - это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний;

3) **концепт** имеет подвижные границы и конкретные функции;

4) **концепт** социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;

5) **концепт** - это основная ячейка культуры.

Следовательно, «концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы» [Попова, Стернин, 1999, стр. 45].

Таким образом, мы будем исходить из понимания концепта, которое разделяет большинство исследователей: общее положение о том, что концепт является единицей сознания и через анализ совокупности языковых средств,

объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта и описать его.

Концепт не имеет обязательной связи со словом, он может быть вербализован, но может быть и не вербализован языковыми средствами.

Однако в речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта, поэтому «исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт, - путь к описанию вербализуемой части концепта» [Попова, Стернин, 2008, с. 20].

Концепт может быть вербализован различными способами: лексическими, фразеологическими, грамматическими и т.п. - целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выявить когнитивные признаки концепта и осуществить моделирование концепта, т.е. выявить его структуру.

Концепт, таким образом, имеет свою структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Типология и формирование концептов. Вербализация концептов. Концептосфера

В настоящий момент когнитивные исследования стали неотъемлемой частью современной лингвистической науки. Однако, как во всякой новой науке, переживающей период становления и интенсивного развития, в когнитивной лингвистике наблюдается большой разброс в понимании основных категорий, недостаточная определенность в самом предмете когнитивной лингвистики. Неясность в методах и т.п. Проводятся методологические школы – семинары, конференции и симпозиумы с целью упорядочить взгляд на предмет и объект лингвистического исследования в области когнитивистики, уточняются возможные методы, способы и приемы когнитивных лингвистических исследований.

В связи с этим актуальной является проблема уточнения и рабочего определения основных когнитивных понятий. Сделаем обзор существующего на настоящий момент инвентаря когнитивной лингвистики.

Основной категорией когнитивной лингвистики является понятие «концепт» (концепт является калькой с латинского *conceptus* «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», т.е. значит буквально «понятие, зачатие»). Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [Степанов, 1997]. Категория концепта фигурирует в исследованиях филологов, логиков и психологов, она несет на себе следы всех этих лингвистических и внелингвистических интерпретаций. В настоящее время можно выделить различные понимания термина "концепт".

Концепт - это "единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, т.е. элементарная сторона внутреннего слоя" [Чесноков 1967:173].

Концепт-это "познавательная психическая структура, особенности которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов" [Холодная 1983:23].

Концепт как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания [Попова, Стернин 1999:4].

Концепты - это смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания" [Павиленис 1986:241].

На рубеже XX-XXI веков в отечественной лингвистике сложилось несколько концептологических школ: Московская (проблемная группа «Логический анализ языка»¹), Воронежская, Кемеровская, Краснодарская, Волгоградская и др., в которых ведутся научные исследования проблем

лингвистической концептологии и осуществляется систематическое описание конкретных концептов. Несмотря на некоторые различия в понимании концептов, в методах и приемах их исследования, «представители этих школ едины в признании того, что концепт является основной единицей сознания, он имеет овеществление языковыми средствами (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию); через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт, хотя в любом случае такое описание не будет исчерпывающим, так как оно основывается только на языковых данных, а концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания; вместе с тем анализ содержания концептов через данные языка дает достаточно богатый и наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концептов» [Карасик, Стернин 2007: 5-6].

В. А. Маслова выделяет три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт – то, что называет содержание понятия, синоним смысла [Маслова 2004 а: 31].

Первый подход (представителем которого является Ю. С. Степанов) при рассмотрении концепта большее внимание уделяет культурологическому аспекту, когда вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Следовательно, концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43]. Ю. С. Степанов представляет концепты как часть европейской культуры «в момент их ответвления от европейского культурного фонда и фона». Они занимают ядерное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой. При таком понимании термина «концепт» роль языка второстепенна, он является лишь вспомогательным средством – формой экспликации «сгустка культуры» концепта [Там же].

Второй подход к пониманию концепта (Н. Д. Арутюнова, Т. В.

Булыгина, А. Д. Шмелев и др.) представляет семантику языкового знака единственным средством формирования содержания концепта.

Н. Д. Арутюнова трактует концепт как понятие практической (обыденной) философии, являющейся результатом взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1993: 3].

Сторонниками **третьего подхода** являются Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова и др. Они считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, т.е. концепт является посредником между словами и действительностью.

По определению Е.С.Кубряковой, концепт – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (...), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996:90].

В словаре по когнитивной психологии указывается, что "концепт"-это ментальная репрезентация мысли, которая включает описание важных свойств класса или понятия" [Eysenck 1994].

Во всех приведенных определениях концепта есть сходство – концепт определяется как дискретная, объемная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа. Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки: 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; 2) это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4) концепт

социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5) это основная ячейка культуры. Следовательно, «концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы» [Попова, Стернин 1999].

Мы будем исходить из понимания концепта, которое разделяет большинство исследователей: общее положение о том, что концепт является единицей сознания и через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта и описать его [Карасик, Стернин, 2006].

Концепты могут быть представлены в языке словами, словосочетаниями, а иногда и целыми предложениями. Очень многие концепты не имеют языковых средств сообщения, так как они обслуживают индивидуальное мышление. Содержание мышления изучается под названием «картина мира».

Важное значение для когнитивной лингвистики имеет решение вопроса, каким образом формируются концепты в сознании человека и каков механизм их образования.

С момента своего рождения человек познает окружающий мир, учится узнавать предметы, соотносить их друг с другом, делать обобщения, учится обрабатывать и запоминать значительное количество информации, выражать результаты своей познавательной деятельности с помощью языка. В результате у человека формируются общие понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами [Болдырев 2001: 23].

Концепты отдельной личности формируются постепенно и в течение жизни претерпевают значительные изменения. У ребенка концепты практически равны образам формирующего УПК, впоследствии эти образы начинают обрести концептуальными признаками, возникают новые компоненты, слои концепта.

Можно выделить следующие способы формирования концептов в сознании человека:

- 1) Из его непосредственного сенсорного (чувственного) опыта – восприятия действительности органами чувств;
- 2) Из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
- 3) Из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов;
- 4) Из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе – ребенок спрашивает, что значит то или иное слово);
- 5) Из самостоятельного познания значений языковых единиц, усеваемых человеком (взрослый человек смотрит толкование неизвестного для него слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом) [Попова, Стернин 2001 :68-69].

Язык, таким образом, является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека.

Часто различные способы формирования концептов действуют одновременно. Для эффективного формирования концептов в сознании, для полноты его формирования только языка мало - необходимы чувственный опыт, предметная деятельность, осмысление. Только в сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценный концепт. Таким образом, концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. Первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных в результате других видов познавательной деятельности, т.е. «обрастает» мыслительным содержанием, логическими признаками. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из

чувственного образа в собственно мыслительный.

В настоящее время в когнитивной лингвистике существуют различные типологии концептов. Поиски определения концепта, его ментальной специфики тесно были связаны с проблемой классификации концептов, которой исследователи уделяли большое внимание [Попова, Стернин 2007: 80]. Концепты могут классифицироваться по различным основаниям:

1. с точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную, образовательную, текстовую и др. концептосферы;

2. классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы;

3. могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и др. Сам дискурс может рассматриваться одновременно как совокупность апелляций к концептам и как концепт, существующий в сознании носителей языка [Маслова 2004 а: 38].

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, концепты можно классифицировать по разным основаниям, каждое из которых будет отражать «когнитивную реальность». Исследователи считают, что наиболее важно различать концепты по тому типу знания, отражения действительности, которое они закрепляют, поскольку именно от этого зависят методы выделения и описания концептов [Попова, Стернин 2007: 81].

Приведем **основные типологии концептов**, предлагаемые разными исследователями.

А. Вежбицкая, исходя из того, что концепт представляет собой обобщение своих языковых реализаций, выделяет *концепты-автохтоны*, в состав которых входят предметные и этнокультурные семы, и *протоконцепты* – «универсальные концепты» [Вежбицкая 1999: 53, 291]. Исследовательница говорит об универсальных концептах: «языки и отраженные в них способы мышления обнаруживают как глубокие различия,

так и глубокие сходства <...>, исследования разнообразия может привести к обнаружению универсалий» [Вежицкая 1999: 292]. Универсальные концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в зависимости от лингвистических, прагматических и культурологических факторов и, следовательно, фиксируются в разных значениях.

А. П. Бабушкин выделяет *общеязыковые концепты* и *концепты отдельной языковой личности*. «Если общественный опыт определяет план содержания общенационального языка, то объем знаний о мире, которыми обладает отдельный человек, обеспечивает «конфигурацию» его личностных концептов. <...> Каждая конкретная личность имеет свой запас практически усвоенных знаний, навыков и умений, определяющих не только параметры собственного интеллектуального и духовного мира, но и содержание тех концептов, которыми она оперирует» [Бабушкин 1997: 115].

Также А. П. Бабушкин с точки зрения репрезентации структур представлений знаний выделяет следующие типы : *концепты - мыслительные картинки, концепты-схемы, концепты - гипонимии, концепты-фреймы, концепты-сценарии, концепты -инсайты*.

Г. Г. Слышкин выделяет *первичные* и *вторичные концепты*, *метаконцепты*, которые образуются в результате осмысления продуктов предыдущей концептуализации и в которых реализуется рефлексия носителя языка [Слышкин 2005: 5], а также *пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные и рудиментарные лингвокультурные концепты* [Слышкин 2005: 6-7].

В. И. Карасик разграничивает *параметрические* и *непараметрические (регулятивы и нерегулятивы) концепты* [Карасик 2004].

З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают типологию концептов по типу отражаемого знания, по языковой объективированности, по принадлежности и по степени абстрактности. [Попова, Стернин 2007: 81]. Исследователи *по характеру концептуализируемой информации* выделяют такие типы

концептов, как *концепт-представление, концепт-схема, концепт-понятие, концепт-фрейм, концепт-сценарий, концепт-гештальт*.

В приведенных типологиях некоторые типы концептов совпадают по дифференциальным признакам (фрейм, сценарий, схема), а выявление таких типов концептов, как понятие, конкретно-чувственный образ, прототип, пропозициональная структура, гипонимия, инсайт, присутствует не во всех типологиях. Анализ типов знаний, выражаемых языковыми знаками, позволяет сделать выводы о разнообразии мыслительных образов в концептосфере носителей языка.

В современной лингвистике существуют различные точки зрения на структуру концепта. З. Д. Попова и И. А. Стернин, отмечают, что «структуризация концепта, его неоднородность стали очевидны исследователям с самого начала когнитивных исследований» [Попова, Стернин 2007: 74].

Ю. С. Степанов считает, что концепт обладает сложной структурой, так как к нему принадлежит всё, что принадлежит строению понятия и все то, что «делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т. д.» [Степанов 2001: 43]. По мнению ученого, концепт имеет «слоистое» строение, и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох. Он складывается из исторически разных слоев, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике, и имеет особую структуру, включающую в себя:

- 1) основной (актуальный) признак;
- 2) дополнительный (пассивный, исторический) признак;
- 3) внутреннюю (обычно не осознаваемую) форму [Степанов 2001: 44-47].

Ю. С. Степанов вычленяет в концепте обиходную, общеизвестную сущность, сущность, известную отдельным носителям языка, и историческую, этимологическую информацию [Степанов 2001: 45-46].

В. И. Карасик предлагает рассматривать слои структуры концепта как отдельные концепты различного объема, а не как компоненты единого концепта. Активный слой («основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него») входит в общенациональный концепт, пассивные слои («дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры») принадлежат концептосферам отдельных субкультур, внутренняя форма концепта («не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов») для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов [Карасик 1996: 3]. В. И. Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [Карасик 2004: 118].

С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [Воркачев 2004: 7].

Г. Г. Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны – основные (интразону, экстразону) и дополнительные – квазизону и квазиэкстразону [Слышкин 2004: 60-61]. Интразона – это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата (медведь – любит мед, косолапый, сильный, куцый хвост, главенствует в лесу, его дрессируют и др.), в экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений (ленив – силен медведь, да в болоте лежит), тяжелый (медведь – каток для укладки дороги), обилие шерсти (брови, что медведь лежат) и пр. Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием

эвфемизмов и др. [Слышкин 2004: 65-66].

З. Д. Попова и И. А. Стернин, проанализировав множество определений концепта, пришли к выводу, что когнитивный концепт формируется в сознании человека из: а) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме; д) путем сознательного познания языковых единиц [Попова, Стернин 2001: 40].

Внутренняя форма, этимологический признак, или этимология, открываются лишь исследователям, для остальных он существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений.

З. Д. Попова и И. А. Стернин обращают внимание, что большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах. Исследователи выделяют три базовых структурных компонента концепта – *образ, информационное содержание и интерпретационное поле* [Попова, Стернин 2007: 75].

Наличие в концепте *образного компонента* определяется самим нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода.

Информационное содержание концепта включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее существенные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления. Это признаки, наиболее существенные для самого предмета или его использования, характеризующие его важнейшие дифференциальные черты, обязательные составные части, основную функцию и под. Примеры

информационных компонентов концептов: *квадрат – прямоугольник, равные стороны; звезда – мировое тело, самосветящееся, раскаленное; Москва – город, столица России.*

Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его [Попова, Стернин 2007: 75-80].

Отношения между отдельными структурными компонентами концепта и его полевой организацией не симметричны.

Базовые структурные компоненты концепта – образ, информационное содержание и интерпретационное поле – распределяются по разным полевым участкам концепта, при этом отсутствует жесткая закрепленность структурных компонентов концепта за определенными полевыми зонами – так, информационное содержание концепта может принадлежать и к ядру, и к ближней периферии, и к другим зонам периферии, а признаки интерпретационного поля могут войти по яркости в ядро концепта и т. д. Образ не обязательно входит в ядро концепта как структуры, хотя в индивидуальном сознании конкретный образ, очевидно, таковым является, поскольку кодирует концепт для данного носителя языка [Попова, Стернин 2007: 79].

В. А. Маслова считает, что в широком смысле структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом [Маслова 2004 а: 42].

С. Ю. Лаврова, рассматривая структуру концепта, пишет о том, что концепт вбирает в себя языковое значение одноимённой лексемы, тезаурусные сведения об объекте, идиоэтническую и универсальную культурную специфику концепта и контекст индивидуально-авторского мировидения [Лаврова 2000: 18].

Различные подходы к изучению структуры концепта обусловлены

многомерностью концепта. Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту и другие компоненты: 1) общечеловеческий, или универсальный; 2) национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде; 3) социальный, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою; 4) групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе; 5) индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания; индивидуального опыта, психофизиологических особенностей [Маслова 2004 а: 42].

Средства вербализации концептов

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, но может и не иметь его. Возникает, таким образом, проблема вербализации концептов. Современные экспериментальные исследования показывают, что механизмы мышления и механизмы вербализации – разные механизмы и осуществляются на разной нейролингвистической основе [Попова, Стернин 2002:14].

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые для этого использованы, выступают как средства вербализации, объективации в языке, языковой репрезентации, языкового представления концепта.

Концепт объективируется в языке:

1) готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексикофразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные семы (потенциальные, скрытые);

2) свободными словосочетаниями;

3) структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);

4) текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждении содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, носитель языка может подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу ментального поля и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить «включителю» - он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления.

Таким образом, применительно к выраженности концептов языковыми единицами, можно говорить о двух случаях:

- 1) номинированы концепты – имеющие стандартное общеизвестное языковое выражение (словом или фразеосочетанием);
- 2) неноминированные концепты – не имеющие стандартного общеизвестного языкового выражения.

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах репрезентации одной и той же мыслительной единицы, в степени подробности или обобщенности репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, фразеосочетаний, репрезентирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке.

Итак, языковые средства необходимы не для существования, а для

сообщения концепта. Слова, другие готовые языковые единицы в системе языка есть для тех концептов, которые обладают коммуникативной релевантностью, т.е. необходимы для общения, часто используются в информационном обмене. Очень многие концепты не имеют системных языковых средств выражения, так как обслуживают сферу индивидуального мышления и не предназначены для обслуживания [Попова, Стернин 2002:16].

Понятие концептосферы

Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является понятие концептосферы. *Концептосфера* - совокупность концептов нации. Она образована всеми потенциями концептов носителя языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера языка (Лихачев 1993:5).

И концепты, и соответственно концептосфера – сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые. Однако существуют научные данные, основанные на косвенных показателях, убедительно подтверждающие реальность существования концептосферы и концептов, а именно, реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления) (Попова, Стернин 2001:88-89).

Необходимо также указать на то, что концептосфера носит, по-видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами.

Концептосфере принадлежат когнитивные классификаторы, способствующие определенной, хотя и нежесткой, организации концептосферы.

Понятие классификаторов одним из первых установил и ввел в научный обиход Дж. Лакрофф. В статье «Мышление в зеркале классификаторов» он писал, что различные народы мира классифицируют, казалось бы, одни и те

же реалии совершенно неожиданно. В каждой культуре существуют специфические сферы опыта (рыбная ловля, охота и другие), которые определяют связи в категориальных цепочках понятий (Лаккоф 1988:12-51).

Необходимо также отличать понятия концептосферы и менталитета. Национальный менталитет- это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации, т.е. ее концептосферой. Концептосфера - область знаний народа – определяет его менталитет (особенности восприятия и понимания действительности), который внешне проявляется в поведении людей, в особенностях их коммуникативной деятельности. Со своей стороны и менталитет направляет динамику концептосферы. Несмотря на тесную связь, менталитет и концептосфера - разные сущности, и их изучение требует разных методов и подходов.

Менталитет – одна из форм репрезентации концептосферы и лишь один из источников ее формирования. Концептосфера лишь один из источников народного менталитета. Менталитет взаимодействует также с национальным характером, с коммуникативным поведением, с речевым воздействием, с разными действиями людей (Рудакова 2004).

Итак, концептосфера – область мыслительных образов, составляющих знания людей.

Семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая средства выражения в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур.

Менталитет – специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей.

Методика концептуального анализа

Когнитивная лингвистика как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. При этом отличие когнитивной лингвистике от других когнитивных наук заключается именно в ее материале- она исследует сознание на материале языка (другие когнитивные науки исследуют сознание на своем материале), а также в ее методах – она исследует концепты и когнитивные процессы, делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования.

Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся методами лингвокогнитивного исследования. Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, репрезентирующих в языке тот или иной концепт.

В настоящий момент не существует четко разработанной методики исследования структуры и содержания концептов. Исследователи предлагают различные приемы изучения концептов. На современном этапе когнитивная лингвистика использует два основных подхода в методике лингвокогнитивного анализа. Первый подход – логический «от смысла к языку» - предполагает, что исследование начинается с некоторого выбранного концепта, подбираются все возможные языковые средства его выражения, которые затем анализируются. Второй подход – семантико-когнитивный «от языка к смыслу» - предполагает, что исследование начинается с некоего ключевого слова, к которому подбираются разнообразные контексты его употребления.

Оба подхода имеют свою ценность и дополняют друг друга. Во многих исследованиях используются два подхода одновременно.

При анализе всей совокупности языковых средств выражения концепта, а также текстов, в которых раскрывается содержание концепта,

исследователь может получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка. Данное представление нельзя считать полным, это всегда будет лишь часть этого концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью.

При анализе структуры концепта исследованию подлежит как ядро, так и периферия концепта. Ядро концепта – это кодирующий образ УПК и базовый слой (совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков). Периферию концепта составляет его интерпретационное поле. В процессе описания структуры концепта важно дифференцировать его компоненты, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны (Попова, Стернин 2001).

Перечислим основные методы и приемы, используемые в лингвоконцептологии.

1.Этимологический анализ лексемы.

Обращение к этимологическим справкам, раскрывающими процесс развития и становления семантемы исследуемой лексемы, дает понять последовательность становления семантических признаков лексемы, особенно в тех случаях, когда в ходе исторических изменений в семантике какие-то звенья развития семантемы выпали и в современном ее употреблении не фиксируются.

В этом же аспекте полезно рассмотрение социальных причин появления новых семем, несущих новые семантические признаки лексемы, репрезентирующей в языке развивающийся концепт.

Важным моментом является определение статуса той или иной семемы в составе семантемы, выявление компонентов семемы (сем) и их иерархии.

2.Анализ словарных дефиниций.

Анализ словарных дефиниций позволяет построить и затем проанализировать семантемы лексем. Данный метод представляет собой

анализ современных словарных толкований ключевого слова по возможно большему числу словарей. Из толкований делается выборка всех возможных характеристик содержания исследуемого слова (Гончарова 1999; Ипполитов 2000 и др.).

Для построения семантемы исследуемого слова необходимо выявить все семемы, которые несет данная лексема.

3. Анализ художественных и публицистических текстов.

Анализ текстов позволяет выявить такие признаки, которые приобрели в составе концепта символическое значение.

Интерпретационным полем концептов служат и произведения тех писателей, поэтов, публицистов, которые в силу своего таланта сумели с наибольшей полнотой и выразительностью охарактеризовать те или иные национальные концепты, отразив их общенародные когнитивные признаки, привнесенные в концепт автором текста.

Таким образом, существующие в сознании носителей языка мыслительное содержание, связанное с определенным звуковым комплексом, может испытывать глубокое воздействие творческих личностей, что, в свою очередь, дает импульс для эволюции этого содержания в сознании народа. Если эти изменения принимаются, перерабатываются, усваиваются коллективным сознанием, возникает почва для формирования нового (в данном случае символического) значения слова, а изменения в значении ведут к модификации соответствующего концепта как единицы национальной концептосферы.

4. Метод построения лексико – семантического поля.

Значительно обогащает состав когнитивных признаков концепта построение лексико – семантического поля его ключевого слова. Этот метод предполагает подбор синонимов, антонимов ключевого слова, определение его гиперонимов и согипонимов. Из этих элементов образуется, как известно,

ядро поля. К ядру примыкает обширная периферия поля, в которой могут различаться ближняя, дальняя и крайняя периферия.

Ядро поля составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, используемые в прямом значении, стилистически нейтральные, без эмоционально – экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста. В ядре выделяется центр. Частотность лексем, входящих в центр ядра, намного превышает частотность других единиц.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. В эту группу слов, в отличие от предыдущих групп, входят преимущественно лексемы со стилистическими и эмоционально – экспрессивными ограничениями.

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально – экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении. К данной группе слов относятся также лексемы, которые в основном значении входят в другую лексико – семантическую группировку, а данное значение является периферийным в их смысловой структуре.

5.Методика компонентного анализа.

Используется для выделения сем в значениях слов в лингвистике. Прием заключается в выделении дифференциальных и интегральных сем в значениях слов путем их попарного сопоставления внутри группы близких по значению слов.

Компонентный анализ может проводиться в двух формах – минимальной и полной.

При минимальном компонентном анализе ставится цель разграничить значения небольшой группы семантически близких слов. Проводится минимальный компонентный анализ обычно без обращения к словарям, путем интуитивного анализа значений, хотя использование словарей, конечно, не исключается.

Цель минимального компонентного анализа – разграничить сравниваемые слова по значению.

Полный компонентный анализ значения имеет целью выявить все компоненты значений сравниваемых слов. Он используется преимущественно при анализе большой группы слов.

Все перечисленные методы и приемы позволяют выявить содержание исследуемых лексем.

Завершающим этапом лингвокогнитивного исследования является когнитивная интерпретация полученных лингвистических результатов, которая предполагает моделирование структуры концепта по результатам описания средств его языковой объективации.

Результатами когнитивной интерпретации являются описание структуры концепта, т.е. когнитивных слоев, вычленяющихся в них когнитивных секторов и образующих их когнитивных признаков; ядерно-периферийное упорядочение слоев концепта; описание интерпретационного поля как совокупности концептуальных (ментальных и оценочных) стереотипов, утверждений, вытекающих из понимания и интерпретации концепта сознанием народа.

Методика исследования структуры концепта. /по Стернину/

В современной лингвистике существуют различные точки зрения на структуру концепта. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «структуролизация концепта, его неоднородность стали очевидны

исследователям с самого начала когнитивных исследований» [Попова, Стернин, 2007, стр. 74].

Авторы считают, что концепты внутренне организованы по полемому принципу и предлагают следующую модель концепта: **ядром концепта** является чувственный **базовый образ**, выступающий как кодифицирующий образ универсального предметного кода. Этот образ принадлежит бытийному слою сознания и, как показывают некоторые наблюдения, имеет операционный или предметный характер, базируясь на биодинамической и чувственной ткани сознания. Базовый образ окружен конкретно-чувственным по своему происхождению когнитивным слоем, отражающим чувственно-воспринимаемые свойства, признаки предмета. Этот слой вместе с базовым относится к бытийному слою сознания. Далее в структуре концепта (хотя и не у всех концептов) выделяются более абстрактные слои, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания. **Энциклопедическое поле** концепта включает в себя когнитивные признаки, приобретенные носителями языка в ходе получения индивидуального жизненного опыта, категориальные и дифференциальные. В нем различают несколько зон: *описательную*, *мифологическую* и др. И, наконец, **интерпретационное поле** концепта, включающее оценку содержания концепта (*оценочная зона*), интерпретирующее отдельные когнитивные признаки и формирующие для национального сознания вытекающие из содержания концепта рекомендации по поведению и осмыслению действительности (*утилитарная и регулятивная зоны*), может быть связано с духовным уровнем сознания, который предполагает в широком смысле оценку концепта с точки зрения его ценности для нации. В отдельных концептах выделяется также *символическая зона*.

Кроме того, в структуре концепта (в **ассоциативном поле**, построенном по данным психолингвистического эксперимента) выделяются **когнитивные**

слои: исторический, современный, вероятностный и др. [Попова, Стернин, 2001, стр. 8-15].

Итак, **лингвистическая концептология** использует понятие концепта как «обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы. [Попова, Стернин, 2007, стр. 7].

Понятие концептосферы как совокупности концептов национального языка, или группы людей, семьи или отдельной личности было введено Д.С. Лихачевым [Лихачев, 1997, стр. 282].

В.А. Маслова ключевыми концептами культуры называет обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. К ключевым концептам культуры относятся такие абстрактные имена, как *совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина* и т.п. [Маслова, 2001, стр.51].

В настоящее время разработано несколько методик описания концептов.

Наиболее распространенной является методика концептуального анализа, представленная в работах Воронежской научной школы и описанная в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Метод исследования концепта в лингвистической концептологии заключается в анализе языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт в языке (т.н. **номинативное поле концепта**), к которым относятся как прямые номинации, так и косвенные: производные, синонимические, фразеологические, метафорические, паремийные и т.п, включая различные тексты – специальные, публицистические, художественные, и когнитивной интерпретации результатов семантического исследования. Результатом лингвокогнитивного описания является моделирование содержания исследуемого концепта в национальной (социальной, возрастной, гендерной, профессиональной т.д.) концептосфере [Попова, Стернин, 2007, стр.8]. Исследователи считают, что «семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях

свидетельствует, что путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт» [Попова, Стернин, 2007, стр.7].

При анализе структуры концепта исследованию подлежит выявить как ядро, так и периферию концепта.

Ядро концепта – это кодирующий **образ** универсального предметного кода (перцептивный и когнитивный, метафорический) и базовый слой (совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков). Это т.н. **информационное содержание концепта**.

Периферию концепта составляет его интерпретационное поле. В него включаются когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него либо оценивают его. В нем выделяется несколько **зон** (таких участков интерпретационного поля, которые обладают определенным внутренним содержательным единством и объединяют близкие по содержанию когнитивные признаки): **энциклопедическая зона** (денотативные признаки), **оценочная зона** (эмоционально-оценочные признаки), **утилитарная зона** (прагматическая), **регулятивная зона** (признаки «необходимости»), **социально-культурная** (национально-культурные признаки, обусловленные традициями и обычаями культуры народа), **паремиологическая зона** (совокупность когнитивных признаков, объективируемых пословицами, поговорками, афоризмами).

В процессе описания структуры концепта важно дифференцировать его компоненты, поскольку их статус и роль в структуре сознания и процессах мышления различны [Попова, Стернин, 2001, стр.56].

Образ и информационное содержание концепта представляют его информационный каркас, который имеет относительно структурированный характер.

Интерпретационное поле – это наименее структурированная часть концепта, она может быть описана как перечисление признаков.

В методике описания концепта важно разграничивать понятия **содержание концепта и структура концепта.**

Содержание концепта образовано когнитивными признаками, внутренне упорядочено по полемому принципу (ядро, периферия) и описывается как совокупность этих признаков.

Структура концепта включает образующие концепт базовые структурные компоненты: чувственный образ, информационное содержание, интерпретационное поле и описывается как совокупность когнитивных признаков, принадлежащих каждому из указанных компонентов структуры концепта.

Исследователь в описании концепта может ограничиться только содержанием концепта или только структурой, или описать то и другое, но важно не смешивать эти понятия, т.к. они требуют разных приемов описания.

В своей работе мы будем опираться на представленную выше методику анализа концепта (З.Д. Поповой и И.А. Стернина), а именно:

1) построение **номинативного поля исследуемого концепта** – т.е. установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки;

а) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле;

б) Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу;

в) Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков;

г) Моделирование концепта;

д) Общие выводы об особенностях исследуемого концепта;

2) определение **информационного содержания** концепта, т.е. анализ словарных дефиниций и компонентный анализ семантики слов – реперезентантов концепта;

3) определение **интерпретационного поля**, т.е. выявление дополнительных компонентов содержания концепта с помощью анализа парадигматических, синтагматических и деривационных связей; анализа фразеологических единиц и паремий; контекстуального анализа художественных текстов;

4) общие выводы.

Тема 4. Понятие лингвоспецифичной (россиеведческой) лексики.

Безэквивалентная и неполноэквивалентная (фоновая).

Слова (и концепты), характерные для определенной национальной культуры (и определенного языка) называют по-разному: лингвоспецифичными (А.Д. Шмелев), культурно-специфичными (В.А. Маслова), лингвострановедчески ценными (Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров) и т.п., а характерные именно для русской культуры — россиеведчески ценными (М.А. Денисова). Это такие, например, слова, как УТРО, ДЕНЬ, ВЕЧЕР, НОЧЬ: в русском понимании *ночь* — время, когда надо спать, а *утро* — когда уже просыпаешься (поэтому мы говорим *явился в два часа ночи*, но: *в пять часов утра*); в английском же *night* — от 20 до 24 часов, а потом все — *morning* (от полночи до полдня): т.е. чисто условное деление суток, поэтому там типично сочетание *в два часа утра* (пример А.Д. Шмелева).

В семантике таких слов и ФЕ есть т.н. [национально-культурные компоненты](#) (НКК) смысла: национально-культурные семы (В.А. Маслова) или национально-культурные коннотации (В.Н. Телия) — различного рода дополнительные, национально специфичные смыслы, ассоциации, прагматическая окраска, т.е. все то, что, как пишет В.Н. Телия, составляет «интерпретацию денотативного ЛЗ в категориях культуры».

Национально-культурные коннотации имеют даже такие обыкновенные слова, как ДОМ (ср.: *дружить домами* — символ семьи) или СТОЛ (ср.: *застолье; застольные речи, песни, беседы; стол ломился от яств* — символ гостеприимства и общения), КАРТОШКА (*сидеть на одной картошке; картошка — хлебу присошка* — второй хлеб) и ХЛЕБ (*хлеб да соль; хлебосольный; зарабатывать на хлеб* — символ жизни).

В зависимости от наличия НКК в смысловой структуре слова лексика русского языка подразделяется на эквивалентную и безэквивалентную.

К эквивалентной лексике обычно относят слова, не содержащие НКК и

потому свободно переводимые на другой язык. Если учесть, что есть переводные словари, то таких слов большинство (это обычные, не «экзотические» слова типа *зеленый, любить, школа* и т.п.): при переводе к ним подбирается эквивалентное слово (называющее то же понятие) другого языка (*green, love, school*). К безэквивалентной лексике относят слова, не переводимые на другой язык, т.к. их денотативное значение (лексическое понятие) оказывается полностью национально-культурным (*самовар, балалайка, щи, ватрушка* и т.п.). Такие слова, попадающие в другой язык, называют экзотизмами, они не переводятся (т.к. у них нет эквивалента в другом языке), а транслитерируются.

Однако на практике оказывается, что эквивалентные слова не всегда эквивалентны. У них могут не совпадать переносные и другие производные значения (например, по-английски нельзя сказать *она появилась в облаке кружесв*, т.к. в английском *cloud* соответствует двум русским словам *облако* и *туча*, но зато *cloud* имеет еще значения «темная прожилка, пятно» и «плотная накидка, шаль», которых нет в русском ни у слова *облако*, ни у слова *туча*) или коннотации (как, например, перевести *зятек* или *мальчонка*?). И уж конечно, у многих т.н. эквивалентных слов не совпадает лексический фон. И таких слов большинство, если не каждое. Например, русскому *палец* в английском соответствуют *finger* и *toes* (т.к. англичанин по-другому членит человеческое тело и различает пальцы ноги и руки). Или возьмем, такие русские слова, как *печь* (русская печь, а не плита) или *баня*. В таком случае и приходится говорить о неполноэквивалентной, или фоновой лексике.

Все это, правда, касается только сопоставительного аспекта языкознания, в сравнении с определенными языками. Например, очень показательны в этом отношении цветообозначения. При почти полном совпадении денотативных значений, они различаются коннотациями и фоновыми знаниями, особенно символикой. Так в русском и многих западных культурах *черный* — цвет траура, смерти, а в восточных культурах

символ траура — *белый*. У русских *черный кот* — знак беды, неудачи («говорят, не повезет, если *черный кот* дорогу перейдет» — поется в популярной песне), а американец запросто может подарить поздравительную открытку с изображением черного кота как символа удачи, счастья.

Поэтому основным условием межкультурной коммуникации являются фоновые знания, т.е. знания реалий и культуры, которым взаимно обладают и говорящий и слушающий.

Много примеров сопоставительного анализа слов (и концептов) в разных ЯКМ мы находим в работах А. Вежицкой (см. список литературы): таких, как *дружба*, *свобода* и др.

Подробно фоновые знания рассматриваются в курсе лингвострановедения на отделении РКИ, т.к. они чрезвычайно важны в межъязыковой коммуникации, в методике преподавания русского языка как иностранного, однако лингвострановедческая теория слова важна и в курсе лексикологии. Эта теория (разработанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым) предполагает, что ЛЗ слова, помимо денотативного значения и коннотаций содержат еще и т.н. лексический фон (экстралингвистические, энциклопедические, историко-культурные знания о называемом предмете и явлении). Например, слово ДОМ помимо денотативного значения (строение для жилья человека) содержит фоновые знания о типе русского дома, которые примитивно выражаются даже в детском рисунке дома, обычно стереотипном (одноэтажный, двускатная крыша с печной трубой и идущим из нее дымом, окно с крестообразной рамой и входная дверь с крыльцом перед ней). Или СТОЛ — прямоугольный на четырех ножках, покрытый скатертью, со стоящим на нем самоваром. А глагол РАЗДЕВАТЬСЯ предполагает снятие одежды перед сном, как и ЛОЖИТЬСЯ («Ну, я буду раздеваться», - говорит героиня фильма «Приходите завтра», ложась спать. «А наш-то вовсе не ложился» — говорит домработница о хозяине, который всю ночь не спал, а занимался уничтожением собственных «творений»).

Тема 5. Национально-культурные стереотипы языкового сознания.

Когнитивная база и когнитивное пространство языковой личности.

Национально-культурные смыслы стереотипны (привычны) для всех носителей языка, т.к. усваиваются, как говорится, «с молоком матери», и потому воспроизводимы в речи. Они выступают как своего рода шаблоны национально-культурного миропонимания (их называют в когнитивной лингвистике — фреймы или гештальты памяти, а в лингвокультурологии и лингвострановедении — лингвокультуремы или логоэпистемы) — это своеобразные национально-культурные стереотипы речевого общения. Они составляют т.н. когнитивную базу и когнитивное пространство этноса и определенной языковой личности.

Когнитивная база — это совокупность обязательных знаний и национально-культурных представлений, которыми обладают все носители национально-культурного менталитета. Эти знания существуют в сознании человека как бы в свернутом виде и при общении разворачиваются, как «лента памяти».

Когнитивное пространство — это форма существования культуры в сознании человека. Оно может быть коллективным (например, у людей одного круга, представителей одной профессии, сферы деятельности) и индивидуальным, личностным («своим» для каждой личности). Например, *Баба Яга (Яга-баба)* — в русских сказках: страшная (уродливая, крючконосая, с костяной ногой) и злая ведьма (обладающая большой колдовской силой) в ступе и с помелом, которая похищает детей (это вытекает из текстов сказок; немало данному представлению способствовала и известная картина В.М. Васнецова «Баба Яга») — эти знания входят в когнитивную базу каждой личности, каждого русского. Однако в когнитивном (коллективном) пространстве любого филолога-фольклориста есть еще и профессиональные знания об этом сказочном персонаже: например, о том, что *Баба Яга* не только вредит, но и помогает герою (двойственный образ: добра и зла), что выявляется и из двойственной

этимологии имени Яга: с одной стороны — праславянский корень -йег- «зло, страх, ужас», с другой — индоевропейский -йа- «обладающий жизненной силой, вечный» (ср. Янус); кроме того ее атрибуты (костяная нога, помело, ступа, печь) — пережитки архаических обрядов (посвящение, очищение, похороны и др.). Но возможно и индивидуальное отношение к этому персонажу: например, сравним «прелестный» персонаж Бабу Ягу в сказе Леонида Филатова «Про Федота стрельца, удалого молодца» (*«Ну, случайно, ну, шутя, Сбилась с верного пути! Дак ведь я — дитя природы, Пусть дурное, но — дитя!»*) или «жалостливый» персонаж стихотворения Ивана Бунина «Баба Яга» (*«Я состарилась, изболелась вся — Десять сот годов берегу ларец! Будь огонь в светце — я б погрелась, Будь дрова в печи — похлебала б щец»*).

Знание этих стереотипов (его называют еще лингвокультурной компетенцией) и служит тем информационным фоном (фоновые знания), на котором воспринимаются НКК языковых единиц.

Тема 6. Источники национально-культурных коннотаций.

Прецедентные тексты. Направления изучения ЯКМ.

Лингвокультурологические словари .

Источниками (и носителями) этих НКК являются:

1) традиционные ритуалы и обряды национальной культуры: заговоры, сватовство, поминки, похороны (например, *блины* — не только традиционное национальное кушанье, но и ритуальный знак — их обязательно подают на поминках; *блины* пекут и на Масленицу — как символ солнца, весны);

2) паремии: пословицы и поговорки (*без блина не Маслена; блин не клин — брюха не расколет; где блины, там и мы*);

3) устойчивые сравнения (*как блин масляный; как блины печет; как с гуся вода; как корова на льду; как ошпаренный*);

4) символы, метафоры: зооморфизмы, цветообозначения и т.п. (*ворона, билет потерял; ну и медведь, опять на ногу наступил; слон в посудной лавке; красное знамя — символ пролитой крови*);

5) русский фольклор и русская литература — прецедентные имена (имена литературных и сказочных персонажей, всем известные и часто воспроизводимые в речи) и крылатые слова из них: (*колобок, теремок, Кощей, Руслан и Людмила*);

6) русская история и историзмы, прецедентные имена исторических лиц (*городовой, бояре, приказчик; Сусанин, Чапаев, Пушкин, Суворов*);

7) социальный строй и т.н. «советизмы» (*субботник, коллективизация, большевики, пионеры*);

8) христианская культура — церковнославянизмы и библеизмы (*черт, Бог, ангел, ковчег, Каин и Авель, Христос, исповедь, колокол*);

9) имена собственные: русские антропонимы (*Василиса, Алена, Маша, Катюша, Ванька; Иван Иванович, Иван Никифорович; Егоровна, Михалыч; Иванов, Петров, Сидоров*) и топонимы (названия известных русских географических объектов: *Москва, Питер, Сибирь, Дальний Восток, Байкал,*

Урал, Волга);

10) русская фразеология (каши не сварить, родился в сорочке, лезть на рожон).

О национально-культурной специфике имен собственных и ФЕ речь пойдет отдельно, в следующих темах.

Таким образом, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира, называемый языковой картиной мира. Культурные концепты, выражаемые в ней, создают некие стереотипы национального сознания (когнитивное культурное пространство). Способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национален, специфичен, т.е. представители разных народов видят мир сквозь призму своих языков. Свойственный языку способ отражения действительности наивен, т.е. отличается от научной картины мира, и эта наивная модель мира «навязывается» как обязательная всем носителям языка (через обязательную — «облигаторную» литературу, фольклор и т.п.). Языковая картина мира (его миропонимание, отраженное в языке) осознается в контексте культурных традиций народа, т.е. язык не только отражает действительность в форме ее наивной картины, но и, накапливая информацию, передает другим поколениям культурные установки и традиции.

Основными направлениями современного изучения языковой картины мира является исследование отдельных «ключевых» концептов как фрагментов ЯКМ; реконструкция целостной ЯКМ и ее описание в словарях; изучение ЯКМ в личностном аспекте (языковой личности), в том числе в идиолекте отдельных писателей (образ мира в слове писателя); лингвокультурологический (лингвострановедческий) аспект в курсе методики преподавания РКИ. Формируется и специальное, лингвокультурологическое направление в лексикографии.

Жанр лингвокультурологических словарей еще не сложился, поэтому сюда относят и культурологические, и лингвострановедческие, и лингвокультурологические словари.

Культурологическими словарями называют словари, посвященные описанию явлений материальной и духовной культуры определенной эпохи или соответствующим реалиям и концептам в их развитии. Понятно, что данные словари представляют собой конгломерат лингвистических и энциклопедических словарей, который частично присутствовал еще в толковом словаре В.И. Даля (см., например, в нем словарные статьи БАНЯ, КАША, ЛАПТИ, ЛЕШИЙ и под.). Современные словари этого типа представлены фрагментарным или тематическим описанием реалий русского быта, традиций и обрядов. Например, «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Складневской (2000) описывает церковно-богословские понятия и реалии (КАДИЛО, КАИН, КАМИЛАВКА, КАНОН, КАНУН, КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА, КИОТ и т.п.). Лингвистическая характеристика термина дополнена энциклопедической информацией и иллюстрациями. К тому же типу можно отнести «Краткий иконописный словарь» В.В. Филатова (1996).

Другое тематическое направление чрезвычайно интересно представлено в словаре Р.М. Кирсановой «Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века» (1989). В словаре описываются наименования тканей и одежды, дается подробное описание реалии, богатые иллюстрации, а начинается каждая словарная статья цитатой из литературного произведения. Например: АРХАЛУК. *«На нем был серый нанковый однобортный архалук, подбитый мерлушками»* (Григорович Д.В. «Антон-горемыка»). Архалук, ахалук — в России XIX в. мужской кафтан без пуговиц и не имеющий плечевых швов... Архалуки шили из плотной шелковой или хлопчатобумажной ткани, как правило, с орнаментом в виде разноцветных полос... Архалук первоначально использовался только как домашняя одежда, с сохранением всех особенной кроя и орнаментации ткани, принятой на Востоке... Самый знаменитый литературный обладатель архалука — Ноздрев — «чернявый просто в полосатом архалуке» (Гоголь Н.В., «Мертвые души»).... В середине XIX в. название архалук обозначало

уже всякий полосатый халат... и т.д.

В «Словаре моды» Т.А. Терешкович (1999) можно найти статьи обо всем, что имеет отношение к моде, одежде, аксессуарам разных времен и народов.

Лингвоэнциклопедический словарь В.С. Елистратова «Язык старой Москвы» (1997) содержит описание интереснейших культурных феноменов: это словарное описание старомосковского языка (преимущественно неофициально-разговорные названия, имена, топонимы) и быта XIX — начала XX века.

Представляет интерес названный культурологическим словарь И.В. Андреевой и Н.В. Баско «Русская деревня. XX век» (2003), в котором авторы знакомят современного (городского) читателя с жизнью русской деревни, объясняя значения известных и малоизвестных (местных) слов, иллюстрируя их цитатами из прозы писателей-«деревенщиков», раскрывающей особенности русской ментальности. Словарь состоит из двух частей. Первая часть — толковый словарь наиболее употребительной «деревенской» лексики (например, такой как *амбар, бабенка, бадья, баня, батог, баянист, берданка, береста, береза, блин, болото, борозда* и т.п.). Сюда же включаются объяснения многих народных названий дней сельскохозяйственного календаря (*Авдотья-малиновка* — народное название 17 августа, приметного дня у земледельцев в конце лета; *Герасим-грачевник* — народное название 17 марта, праздник прилета грачей и др.). Вторая часть — объяснительный словарь к деревенской прозе XX века (северная деревня Ф. Абрамова и В. Белова; донская станица М. Шолохова; сибирская деревня В. Распутина, В. Шукшина и В. Астафьева).

Комплексное описание этнографических реалий одного из северных регионов России представлено в словаре «Духовная культура Северного Белозерья» (1997). Словарные статьи посвящены различным праздникам (ПАСХА, ТРОИЦА), семейным обрядам и типам поведения (ГУЛЯНИЯ, ЗАСТОЛЬЕ, СВАДЬБА), играм (ВОЛЧОК, ЛАПТИ), мифологическим

персонажам (ДОМОВОЙ, КИКИМОРА), лицам, выполняющим важные функции в традиционной жизни (ГАРМОНИСТ, ПАСТУХ) и т.п.

Культурологический характер носят многие энциклопедические словари последнего времени. Так, толкования образов и символов славянской мифологии находим в академическом словаре «Славянская мифология» (1995), «Краткой энциклопедии славянской мифологии» Н.С. Шапаровой (2001), популярном «Словаре славянской мифологии» Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева (1995) и др. Обычаи, предания и обряды русского народа, собранные знатоком русской старины М. Забылиным, опубликованы в 2002 г. в одноименной энциклопедии. К этим словарям примыкает и «Энциклопедия русских преданий» Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева (2001) и «Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий» (1995) тех же авторов.

Предметом уникального «Словаря русской культуры» Ю.С. Степанова (1997, 2001), который уже упоминался, являются основополагающие концепты русской культуры (МИР, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, ГРЕХ, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ, УЮТ и мн. др.), ценность которых определяется тем, что, по словам автора, в операциях с этими концептами в значительной степени состоит духовная культура всякого общества. Предыстория концепта выявляется в нем, как уже говорилось, с помощью этимологии слова, выражающего данный концепт, затем рассматривается история развития, динамика концепта.

В новом лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» представлены единицы, которые, будучи хорошо известными из фольклора и облигаторной литературы (прецедентные имена, тексты и высказывания, мифологические персонажи, образы животных, связанные с русской народной культурой, и т.п.), предопределяют специфику русской картины мира и ее отражение в языке. В 1 выпуске словаря (2004) помещено около 200 словарных статей (зооморфные образы: АИСТ, ВОЛК, ЗМЕЯ, КОЗА, МЕДВЕДЬ; прецедентные имена: ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ, ИВАН

ЦАРЕВИЧ, КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ; прецедентные тексты: «КУРОЧКА РЯБА», «КОНЕК-ГОРБУНОК», «СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА»; прецедентные высказывания: БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЕТ, В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ и др.), каждая из которых содержит краткую информацию, относящуюся к общегуманитарным энциклопедическим знаниям: стереотипное представление феномена, бытующее в русском языковом сознании; функционирование единицы в речи, контексты употребления. Словарь будет продолжаться.

Особый тип представляют учебные лингвострановедческие словари, первыми из которых, еще в советские времена, были тематические словари «Народное образование в СССР» (1978, 1983) М.А. Денисовой, под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова и «Художественная культура в СССР» Т.И. Чернявиной (1983). Их цель — изъяснение лексического фона неполноэквивалентных слов. Словари предназначены для преподавателей русского языка как иностранного и иностранцев, изучающих русский язык. Кроме того, есть (или создаются) лингвострановедческие словари фразеологизмов, пословиц и поговорок и невербальных средств общения (жестов и мимики), а также имен собственных (антропонимов и топонимов), о которых будет рассказано в следующих темах.

Национально-культурная специфика русской фразеологии .

Тема 7 Национально-культурная специфика русской фразеологии

Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. ФЕ всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать и оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает ФЕ (как и метафоры) от других номинативных единиц.

В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно ФЕ как бы навязывают носителям языка особое видение мира. Например, сведения о быте русского народа (*красный угол, печки-лавочки*), об этикетном поведении (*садиться не в свои сани, как пить дать, несолоно хлебавши, ломать шапку, бить челом*), о традициях и обычаях (*из полы в полу, вывести на чистую воду*) и т.д.

Т. обр., в большинстве ФЕ (в том числе — паремий, т.е. пословиц и поговорок) есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены. Главное при выявлении культурно-национальной специфики ФЕ — выявить национально-культурную коннотацию (НКК). Культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает ФЕ культурно-национальный колорит.

Тема 8. Многослойность национально-культурной специфика

Поскольку ФЕ — раздельнооформленные единицы (хотя и с целостной семантикой), т.е., как мы уже рассматривали, имеют компонентный состав, национально-культурные коннотации их многослойны.

1) Во-первых, они могут содержаться в отдельных компонентах ФЕ, например, в тех, которые называют предметы национальной культуры: *щи, лапти, каша* и т.п. (*не лаптем щи хлебает, заварить кашу, каши не сварить, кашу маслом не испортишь* и др.). Сюда же относятся ФЕ, в которых отражена история народа, содержатся национальные (в том числе исторические) имена собственные и т.п. (*мамаево побоище, как Мамай прошел; верста коломенская; погиб, как швед под Полтавой; язык до Киева доведет; Москва не разом строилась; кричать во всю Ивановскую* и др.), — в них содержатся страноведческие знания, а их понимание связано со знанием конкретных исторических или географических фактов. Так, *Мамай* — имя татарского хана, предводителя полчищ, совершавших опустошительные нашествия на Русь в XII-XIII вв., которые были, наконец, разбиты в 1380 году на Куликовом поле под началом московского князя Дмитрия: отсюда еще одно выражение — *на поле Куликовом*. *Полтавская битва* со шведами была при Петре I, в 1709 году, когда войска шведского короля Карла XII были наголову разбиты русскими. *Коломна* (село *Коломенское*) знаменито тем, что в XVII веке здесь, на столбовой дороге было заново произведено измерение расстояния до Москвы и установлены новые «версты» (верстовые столбы) большой высоты (поэтому так сейчас называют очень высоких людей). *Ивановская* площадь у колокольни *Ивана Великого* — в Московском Кремле: именно там оглашались во всю мощь легких (чтоб было слышно) царские указы. После взятия Иваном Грозным *Казани* татарские мурзы прикидывались бедными и просили наград — отсюда и пошло: *сирота казанская* и т.п. (Об истории этих и многих других фразеологизмов можно узнать из популярного «Словаря крылатых слов и выражений» Э.А. Вартаньяна (20001).

То же можно сказать о ФЕ и паремиях, в которых национальные ИС — только способ обобщения какого-то признака денотата (*Хороша Маша, да не наша; На всякого Егорку есть поговорка; Били Фому за Еремину вину; показать кузькину мать; анютины глазки* и мн. др.). В данных случаях не важно, кто такие *Кузька, Фома, Ерема, Егорка, Маша* или *Анюта* — это просто обобщенный образ, но национальные формы имен (о чем мы поговорим в следующей теме) делают эти ФЕ неповторимыми (и непереводаемыми), именно они здесь — носители культурной информации.

2) Во-вторых, национально-культурная коннотация содержится во ФЕ в целом: в их образно-эмотивном основании, прототипах. Для того чтобы понять, что в этих ФЕ является носителем культурной информации, надо знать, как возникают такие ФЕ. Сначала возникает некая прототипная (т.е. буквальная) ситуация, затем содержание ее переосмысливается, т.е. формируется образ ФЕ, основанный на первичных значениях слов в прототипной ситуации. Именно они и оставляют свой след в образе, т.е. возникает внутренняя форма (ВФ), в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Культурную информацию в таких ФЕ можно, т. обр., получить из ВФ фразеологизма, ибо именно в ней наличествуют «следы» культуры — мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры. Т. обр., в самом формировании ФЕ, т.е. в отборе образов, прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы возрождается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой. Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации (например, *выносить сор из избы*) начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры: нельзя *выносить сор из избы*, т.е. «разглашать сведения о каких-либо неприятностях, касающихся узкого круга людей или семьи».

Многие ФЕ относятся и к 1 и ко 2 типу одновременно (как, например, приведенный *выносить сор из избы*: в нем есть и компонент, называющий

предмет национальной культуры — *изба*).

3) В третьих, надо сказать, что далеко не все ФЕ могут быть носителями национально-культурной информации прямо. Многие из них выражают общечеловеческие ценности и знания о мире, которые являются основой образов (*зри в корень, между двух огней, не вешать нос* и др.). Но национально-культурная информация может быть скрыта в них косвенно. Так, общечеловеческие знания о мире присутствуют во ФЕ типа *развязать язык, связать по рукам и ногам*, в которых живет образ узла, связывания как магического действия, характерного для культуры многих народов, по крайней мере, славянских. Т.е. национальная культура представлена в них через связь с общеславянской мифологией. То же можно сказать о ФЕ *пить кровь, до последней капли крови*, где *кровь* — символ жизненных сил, или *родная кровь*, где *кровь* — символ родства. Национально-культурная семантика представлена в них через связь с культурно-национальными эталонами, символами, стереотипами, близкими у разных народов. Многие ФЕ связаны с мифологемами и архетипами. Например, *как в зеркале; как в воду глядел* (ср. метафору *зеркало воды*): у многих славян *зеркало* — граница между земным и потусторонним миром (*зазеркалье* — перевернутый мир живых), как и некоторые другие слова: *порог, окно, труба* (о которых уже говорили в связи с образом дома), и эта символика глубоко архаична (архетип), связана с мифами, поверьями и суевериями (мифологема). Зеркало — вещь опасная, запретная, созданная дьяволом, это средство контакта с ним (церковь и староверы запрещают иметь зеркала), в зеркало нельзя смотреться невесте перед венцом (стадия перехода из одного мира в другой), зеркало занавешивают в обряде похорон (якобы для того, чтобы покойник не мог пройти сквозь него с того света), гадания на зеркале связаны с тем, что оно якобы способно отражать не только видимый мир, но и потусторонний и т.п.

Тема 9. Прототипы и образы русской фразеологии.

Лингвокультурологические словари фразеологизмов

В разных языках образная основа ФЕ нередко имеет разную номинацию, что также можно считать национально-культурной спецификой ФЕ. Например, китайскому выражению *проточная вода не гниет* соответствует русский фразеологизм *как мертвому припарки* (о бесполезности, бесцельности каких-либо усилий). Смысл идентичен, но образное основание разное. Следовательно, такие ФЕ тоже можно считать национально-специфичными носителями культурной информации. Вообще сопоставительное изучение ФЕ, о чем уже говорилось, показывает, что даже минимальная разница в способе номинации, а значит, и в образном основании (например, русскому ФЕ *убить двух зайцев <одним выстрелом>* — т.е. «сделать два дела одновременно», соответствует китайское выражение *одним выстрелом убить двух орлов*), дает возможность приоткрыть завесу над различиями в мировидении, разными языковыми картинками мира или, напротив, увидеть культурное сходство или родство.

Проблема восприятия русских ФЕ иностранцами очень актуальна: ведь фразеологизмы не только образные выражения, делающие нашу речь более выразительной, но и единицы языка, ярко отражающие историю, быт, нравы, мораль народа, специфику его культуры. Поэтому непонимание и незнание образной основы ФЕ может привести к неправильному его употреблению и к неверным выводам о характере народа. Например, фразеологизм *бить челом* (отсюда и слово *челобитная*), который описывает определенный ритуал и одновременно выражает значение этого ритуала (в Древней Руси *челом*, т.е. лбом *бились* об пол (землю), падая перед вельможами и царями в земном поклоне; это называлось «кланяться большим обычаем» и выражало крайнюю степень уважения) с точки зрения иностранцев демонстрирует чуть ли не главное отрицательное качество русских — их рабство, раболепство. А выражение *красна девица* воспринимается иностранцами как «накрашенная», а не «красивая» и позволяет делать вывод, что русские женщины сильно

красятся.

Поэтому так важно создание специальных лингвокультурологических (или лингвострановедческих) словарей фразеологизмов и паремий, в которых объяснялись бы ФЕ всех указанных типов. И это важно не только для иностранцев, изучающих русский язык, но и для самих носителей языка.

Ярким примером такого типа словаря являются лингвострановедческие словари (их жанр обозначен и аргументирован самими авторами) «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова (1988) и «Русские фразеологизмы» В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко (1990). Второй словарь в более упрощенном виде вышел в 1999 г. под названием «Школьный фразеологический словарь», и это подтверждает нашу мысль, что подобные словари нужны не только иностранцам. В какой-то степени к ним примыкает и лингвострановедческий словарь А.А. Акишиной, Х. Кано и Т.Е. Акишиной «Жесты и мимика в русской речи» (1991), в котором описаны хоть и невербальные средства речевого общения, но такие, которые могут быть выражены и словесно, с помощью устойчивых оборотов (типа *заглядывать в глаза* или *указывать пальцем*), что и демонстрирует данный словарь.

Расскажем подробнее о лингвострановедческом словаре фразеологизмов. В словарь включались лишь наиболее употребительные ФЕ, имеющие т.н. страноведческую ценность. Лингвострановедческая семантизация ФЕ в этом словаре заключается в том, что помимо языковой характеристики фразеологизма (форм, вариантов, значения, употребления, синонимии, антонимии) дается лингвострановедческий комментарий как к самому фразеологизму (описание прототипа, образной основы ФЕ), так и (при необходимости) к отдельным его компонентам, имеющим также страноведческую ценность (историческое событие или реалия быта). Комментарий составлен таким образом, чтобы стал понятен путь метафорического развития смысла ФЕ. Расположены ФЕ в словаре по алфавиту ключевых (обычно страноведчески ценных) слов — компонентов

ФЕ: например, при слове КАША приведены и объяснены ФЕ — ЗАВАРИТЬ КАШУ, КАША ЗАВАРИВАЕТСЯ, РАСХЛЕБАТЬ КАШУ, КАШИ НЕ СВАРИШЬ, МАЛО КАШИ ЕЛ, КАША В ГОЛОВЕ, КАША ВО РТУ, КАШИ ПРОСЯТ. Уже само количество фразеологизмов со словом КАША свидетельствует о страноведческой ценности этого слова, лексический фон которого и изъясняется в словарной статье первого фразеологизма:

КАША — «русская национальная еда, которую варят из риса, гречневой, овсяной, манной или какой-л др. крупы, на воде или на молоке... Каша — повседневное сытное и любимое кушанье. Издавна на Руси кашу ели с маслом: чем больше масла, тем вкуснее (ср. поговорку *Кашу маслом не испортишь*). В древности каша была также обрядовым блюдом, которое обязательно варили, например, во время свадьбы. Делали это сообща, сразу несколько семейств, что было довольно сложно и хлопотно».

Далее следует описание самого фразеологизма: «фразеологизм представляет собой первую часть пословичного выражения *Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай*, т.е. сам начал какое-то сложное, запутанное или неприятное дело, сам и должен отвечать за его последствия»... и т.д.

В остальных статьях информация (по мере необходимости) добавляется в связи с конкретным выражением. Например, в статье КАШИ НЕ СВАРИШЬ добавляется: «В древности каша имела ритуальное значение. Совместное приготовление обрядовой еды свидетельствовало о сплоченности, коллективизме в древнем обществе и осуждении индивидуализма и эгоизма. Это осуждение сохранилось в форме и содержании фразеологизма».

Таким образом, всякий фразеологизм (в широком смысле) — носитель культурной информации, выражающий ее прямо или косвенно. ФЕ — это своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру в поколениях.

Раздел 4. Национально-культурная специфика русской ономастики

Тема 10. Ономастическая лексика и ее специфика. Имена собственные в отличие от имен нарицательных. Основные разряды ономастической лексики (2 часа).

Ономастическая лексика — это имена собственные (имена и названия), или проприальная лексика (*nomina propria* по-латыни). Изучаются имена и названия, их значение, специфика, история и т.п. в специальном разделе лексикологии — ономатологии, или [ономастике](#) (что в переводе с греческого означает «искусство давать имена»: от греч. *onima* — «имя»). Ономастикой называют также всю совокупность имен и названий какого-либо языка.

Специфика ономастической лексики, которая заставляет изучать их отдельно и не включать в общие словари, в том, что имена собственные (ИС) противопоставляются именам нарицательным (ИН), или апеллиативам (лат.: *nomina appellativa*), апеллиативной лексике, как особый лексико-грамматический разряд имен существительных. Действительно, все имена собственные, независимо от их формы (имя *Нина*, фамилии *Тимофеева*, *Подлесная* или *Никогда*, название крейсера «*Стерегущий*» или романа «*Обыкновенная история*», кличка собаки *Догоняй*) — суть имена существительные. Они не изменяются по числам: всегда только в форме единственного (*Таня Иванова*, *Борис Ельцин*, *Москва*, *Урал*) или только множественного (*семья Ивановых*, *Жигули*, *Холмогоры*, *деревня Ручьи*) числа.

ИС служат для выделения объекта из ряда подобных, поэтому их функции — назывная (называть конкретный, индивидуальный предмет или лицо), различительная (отличать однородные предметы или лица один от другого: это город *Москва*, а это *Новгород*), идентифицирующая (*Петр Великий* — русский царь-реформатор *Петр I*, по прозвищу *Великий*, живший в XVII веке, а другой *Петр Великий* — ученик 5 «А» класса *Петя* по фамилии *Великий*). Как видим, ИС могут быть омонимичными, если относятся к разным референтам, а их носителей в таком случае называют

тезками.

Одной из центральных проблем ономастики является вопрос о специфике их ЛЗ. В отличие от ИН, собственные имена называют единичные предметы, а не класс предметов (ср. *Москва* и *город*) и поэтому не могут обобщать, как ИН. Если такое обобщение все же возникает в языке, ИС переходят в разряд ИН и приобретают способность употребляться в форме множественного числа («И может собственных *Платонов* и быстрых разумом *Невтонов* Российская земля рождать»). Таким образом, ЛЗ ИС специфично (некоторые вообще считают, что у них нет ЛЗ, но тогда они не слова?), индивидуально, конкретно, референтно. В его ЛЗ, как и в любом слове, содержится денотативное (референтное) значение и коннотации (которых у некоторых ИС даже больше, чем у ИН). Денотативное значение ИС может быть либо слишком общим: *Иван* — русское мужское личное полное (официальное) имя (языковая и речевая информация), либо предельно конкретным: *Иван Грозный* — русский царь, правивший в XV веке и отличавшийся крутым нравом, за что и получил прозвище *Грозный* (энциклопедическая информация). Коннотации, как и у ИН, могут быть стилистическими, оценочными, социальными и т.п. (особенно у личных имен: ср. — «Ее так и звали каким-то средним именем: не *Катя* или *Катенька*, а *Катюша*». Л. Толстой).

ИС, как и ИН, имеют до-ономастическое, или этимологическое значение (внутреннюю форму): фамилия персонажа повести М. Булгакова «Собачье сердце» *Шариков* восходит к кличке собаки *Шарик*, а та, в свою очередь, к слову (ИН) *шарик*. Однако собственно ономастическое значение ИС *Шариков* (булгаковский персонаж: человек с сердцем собаки) уже никакого отношения к *шарику* (не *Шарику*!) не имеет, как *Зайцев* к *зайцу*, а *Свиньин* к *свинье*. ИС может приобрести и переносное, метафорическое, т.н. пост-ономастическое значение («не будьте *Шариковыми*»), когда оно переходит в ИН, т.е. начинает обобщать.

Поскольку ЛЗ ИС специфично, специфичны и лексические категории

ИС: синонимия, антонимия, полисемия и омонимия.

Ономастическими синонимами (очень условно) можно считать лишь случаи переименования или разного именованя одного референта (*Петербург, Петроград, Ленинград, Питер*; «Его фамилия была *Иванов*, но все называли его почему-то *Кузнечиком*»).

Ономастическими антонимами (тоже условно) можно считать лишь случаи именованя объектов по принципу противопоставленности (*Ваня Большой* и *Ваня Маленький*; *Верхние Лужки* и *Нижние Лужки*, *Старая Варваровка* — *Новая Варваровка* и т.п.).

Ономастическими омонимами обычно считают совпадающие названия разных ономастических разрядов, например, антропоним и топоним (имя *Владимир* и город *Владимир*). Однако можно считать омонимичными и имена разных референтов одного разряда (*Иван Васильевич Грозный*, русский царь, и *Иван Васильевич Бунша*, управдом, который «меняет профессию»), о чем уже говорилось (единого мнения тут нет).

Последний случай с той же достоверностью может быть отнесен и к *ономастической полисемии* как случаям разного применения одного и того же имени (хотел назвать его *Иваном*, *Иван Грозный*, *Иван Карамазов*). К полисемии относятся также явления метафорического (*Чеховы* перевелись) или метонимического переноса ИС (читаю *Чехова*), а также сужения значения ИС («*Америка-разлучница*» — здесь имеется в виду не континент Северная Америка, а государство Соединенные Штаты Америки).

Словообразование от ИС представлено всего несколькими типами: обычно от них образуются либо относительно-притяжательные прилагательные (*московский, пушкинский*), либо существительные со значением лица: названия жителей (*москвич, туляк, ростовчанин, петербуржец*) или приверженцев какого-либо политического деятеля (*ленинец, жириновец, гайдаровец*). Но это уже ИН.

По денотативной отнесенности (называемому роду объектов: лицо, географический объект, произведение и т.п.) все ИС входят в тот или иной

ономастический разряд (класс). Главные из них:

антропонимы — имена людей (от греч. *antropos* — «человек»): фамилии (*Иванов, Петров, Сидоров*), личные имена (*Петя* и *Маша*), отчества (*Петрович, Петровна*), прозвища (*Большое Гнездо* — прозвище древнерусского князя Всеволода), псевдонимы (*Максим Горький, Саша Черный, Андрей Белый*);

зоонимы — клички животных (от греч. *zoon* — «животное»): *Жучка, Каштанка, Холстомер, Зорька, Серая Шейка, Белолобый*;

топонимы — названия географических объектов (от греч. *topos* — «место»): гидронимы (названия водных объектов: рек, морей, озер, болот — *Волга, Черное море, Байкал, Щучье озеро, Лешачье болото*); оронимы (названия объектов рельефа: гор, впадин и т.п. — *Урал, Жигули, Сихотэ-Алинь, Орлиная сопка, Голубиная падь*); ойконимы (названия населенных пунктов: городов, сел, деревень, поселков — *Москва, Петербург, Саратов, Бородино, Петушки*) и т.д. К ним примыкают в какой-то степени и названия космических объектов (космонимы): звезд, планет и т.п. (*Большая Медведица, Стожары, Полярная звезда, Млечный Путь, Марс, Сатурн, Плеяды, Орион* и т.п.).

К ИС относятся также названия литературных и других произведений художественной культуры (идеонимы): картин, опер, балетов и т.п.: *«Лебединое озеро», «Война и мир», «Витязь на распутье», «Евгений Онегин»* и т.п. Среди предметов материальной культуры имена собственные принято давать обычно кораблям (пароход *«Тургенев»*, крейсер *«Варяг»* и т.п.).

Наиболее изучены в ономастике антропонимы и топонимы. Именно они и представляют интерес с точки зрения их национально-культурной специфики и содержащегося в них лексического фона.

Национально-культурный компонент присущ именам собственным даже в большей степени, чем апеллятивам, а их лексический фон оказывается довольно обширным и сложным.

Тема 11. Национально-культурный фон русских антропонимов.

Рассмотрим национально-культурную специфику [антропонимов](#), которые изучаются в специальном разделе ономастики [антропонимике](#).

Прежде всего лингвоспецифичной является сама система именования у русских: она, в отличие от многих других народов, трехчленна — личное имя, фамилия и отчество (*Михаил Илларионович Кутузов, Анна Ивановна Павлова*). Однако эта официальная трехчленная форма употребляется только в документах и библиографии, часто в сокращении, в виде инициалов (*М.И. Кутузов* и сугубо канцеляризм: *Кутузов М.И.*). Кроме того, как уже говорилось, многие (особенно в детстве) имеют прозвища, а люди искусства и псевдонимы. Это создает сложную систему выбора именования в формулах речевого этикета, в различных речевых ситуациях (в обращении — к знакомым, друзьям, близким, коллегам, детям, начальству и т.п. — т.е. в официальной и неофициальной обстановке), которые иногда разительно отличаются от инокультурных стран. Особенно непривычно для иностранцев именованье взрослых по имени-отчеству, принятое в русском языке и русской культуре, да и само понятие «отчество» многим культурам чуждо.

Личные имена (основное индивидуальное именованье, которое человек получает при рождении) в русском языке также лингвоспецифичны — они имеют разветвленную систему форм: полное (официальное, паспортное) имя (*Михаил, Елена*) и его народные варианты (*Михайло; Алена*), сокращенное (краткое) имя (*Миша, Лена*) — их бывает и несколько (например, от *Александр: Саша, Саня, Шура* и др.; от *Анна — Аня, Нюра, Нюта, Нюша* и др.) — и массу т.н. квалитативных, оценочных имен (*Мишка, Мишутка, Мишенька, Мишук* и др.; *Ленка, Ленок, Леночка, Ленуся, Аленка, Аленушка* и т.п.), образуемых различными суффиксами субъективной оценки: ласкательными, фамильярными, пренебрежительными и т.п. Именованье только по имени, особенно в его квалитативных и уменьшительных формах, принято преимущественно по отношению к детям или между близкими (к мужу, сестре, брату) и друзьями. Раньше пренебрежительную форму имени

применяли по отношению к слугам. Русская литература предоставляет нам богатейшие иллюстрации различных употреблений имен. Например, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина: «*Мой Ваня моложе был меня, мой свет...*» (няня о муже). «*Скорей, пошел, пошел, Андрюшка!*» (Онегин кучеру). «*Ей шепчут: Дуня, примечай!*» (соседка Ленского, барышня). «*Как быть? Татьяна не дитя... Ведь Оленька ее моложе*» (мать о дочерях). «*Что, Таня, что с тобой?*» (няня Татьяне) и т.п. Сокращенные и качественные формы употребляются преимущественно в разговорной речи; официальной (паспортной) является только полная форма, именно она сочетается с отчеством («*Иван Петрович так же глуп, Семен Петрович так же скуп*»: нельзя — *Ваня Петрович*). Иногда, правда, родители записывают ребенку в свидетельство о рождении сокращенную форму имени (*Рита, Лана*). Это нежелательно, потому что в сочетании с отчеством такие имена выглядят нелепо (*Рита Петровна, Лана Павловна*), хотя со временем неофициальная форма имени или его вариант могут стать самостоятельным именем (так случилось с именами *Юрий* и *Егор* — бывшими вариантами *Георгия*, с именами *Алена* и *Алина* — вариантами *Елены*, или *Роза* — сокращенным от *Розалии*).

Отчество (именование по отцу; обычно образуемое суффиксами -ович/-ич-, -овн(а)-/ -иничн(а)-) — составная (вторая) часть полного паспортного именованья русского человека. Употребляется только в сочетании с полной формой имени (*Андрей Петрович, Антонина Петровна, Иван Ильич, Надежда Ильинична*). Именованье по имени-отчеству (по отношению к взрослым, коллегам, малознакомым людям) является нормой и знаком уважительного отношения к личности. В просторечии, особенно по отношению к пожилым хорошо знакомым людям (например, соседям, нянькам и т.п.) можно встретить уважительное именованье только по отчеству (*Ивановна! Заходи на огонек! Михалыч, дай закурить. «Уж ей Филиппьевна седая приносит на подносе чай...»*).

Фамилия — семейное именованье, передаваемое от отца к детям,

присваиваемое в браке жене. Русские фамилии традиционно оформляются суффиксами –ов/а (Иванов, Иванова), -ин/а (Калинин, Калинина), -ск/ий,-ая (Милославский, Милославская) и др. Образованы обычно от личных имен (отчеств) и прозвищ или топонимов (например, династическая фамилия *Романовы* пошла от имени *Роман*, фамилия рода *Троекуровых* — от прозвища *Троекур*, а фамилия *Казанский* — от топонима *Казань*). Вообще — история фамилий, имен и отчеств на Руси — отдельная очень интересная тема, об этом можно почитать в популярной книжке М.В. Горбаневского «Иван да Марья. Рассказы о русских именах, отчествах, фамилиях, прозвищах и псевдонимах» (М.,1987) или в другой научно-популярной литературе. В современном речевом этикете именование только по фамилии принято лишь в учебных заведениях и армии. Вообще это официальная форма именованья. Однако раньше мужчины-аристократы обращались друг к другу по фамилии, так было принято (ср.: «Ну что ж, *Онегин*? Ты зеваешь? — *Привычка, Ленский*»).

Прозвище — это дополнительное, необязательное имя, данное в шутку или насмешку и обычно характеризующее носителя (*Разиня* — за невнимательность, *Профессор* — ходит в очках, много читает, *Локатор* — за большие уши, *Сорока* — много болтает и т.п.). Прозвища употребляются в узком коллективе: в семье, в компании друзей, в классе, во дворе и т.п. (в неофициальной обстановке). В школьной среде много отфамильных прозвищ, образованных по созвучию, по принципу языковой игры (*Корова* — фамилия *Коровин*, *Кефир* — фамилия *Никифоров*, *Балалайка* — фамилия *Струнников* и т.п.). Прозвище в трехчленную систему именованья не входит (т.к. оно вообще не обязательно), однако может сочетаться с именем (*Катька Рябая*, *Мишка Прыц*), так было и исторически, когда прозвище в какой-то степени заменяло фамилию (*Иван Грозный*, *Всеволод Большое Гнездо*). С отчеством и фамилией прозвища не сочетаются.

Псевдоним — это вымышленная фамилия (иногда и имя), придуманная самим носителем (чаще всего это люди сферы искусства или политики),

которая употребляется в общественной жизни наряду с настоящей или полностью заменяет последнюю: *В.И. Ленин (В.И.Ульянов), Александр Грин (Александр Гринеvский), Аркадий Гайдар (Аркадий Голиков)*, теперь этот псевдоним как фамилию носят его сын, внук и правнук (*Тимур, Егор и Петр Гайдары*), *Максим Горький (Алексей Максимович Пешков), Корней Чуковский (Н.В.Корнейчуков)* и т.п.

Лексический фон антропонимов, таким образом, обусловленный историей, употреблением, прагматикой, очень разнообразен и составляет их национально-культурную специфику. Каждое ИС (и особенно личное имя) выражает некую групповую информацию, т.е. сигнализирует о своей принадлежности к некоторой совокупности имен, внутри которой ИС классифицируются:

А) по времени: новые имена (*Октябрина, Зарина, Владлен, Власта, Идея, Нинель*) и старинные имена (*Соссий, Онисифор, Орентий, Нимфодора, Пестимея, Модеста*);

Б) по происхождению: иностранные имена (*Альберт, Альфред, Эдуард, Алиса, Анжелика, Моника, Изольда*) и славянские имена (*Вера, Надежда, Людмила, Владислав, Владимир, Борислав*);

В) по социальной (территориальной) принадлежности: «деревенские» имена (*Лукерья, Федосья, Марья, Герасим, Сидор*) и «городские» имена (*Игорь, Евгений, Тамара, Марина, Вадим*). До XX века это распределение имен было более дробным: выделялись т.н. «княжеские» и «царские» имена (*Всеволод, Святослав, Владимир, Ольга, Олег; Александр, Николай, Екатерина*), «монашеские» имена (*Пимен, Никон*), «купеческие» имена (*Фома, Савва, Васса, Гордей*);

Г) по стилевой принадлежности: книжные, церковнославянские имена (*Анастасия, Даниил, Гавриил, Иоаким, Иулитта*) и просторечные, разговорные имена (*Настасья и Настасея, Данила и Данило, Гаврила и Гаврило, Аким, Улита*);

Д) по степени употребительности: популярные или «модные» имена

(Яна, Юлия, Алена, Евгений и Евгения) и редкие, «забытые» (Акакий, Варлаам, Василиса, Дарий и Дария);

Е) по национальности: украинские или белорусские имена (Олеся, Алесь, Оксана, Остап) и кавказские или татарские («восточные») имена (Абдула, Ашот, Казбек, Арслан, Азия).

Все эти коннотации, приписываемые именам, оставляют в стороне нейтральные имена, не относящиеся ни к той, ни к другой подгруппе: традиционные, русские, общеупотребительные и т.п. (Наталья, Татьяна, Петр, Ирина и мн. др.), хотя с точки зрения исторической они, как все христианские имена, по происхождению все заимствованные (древнееврейские, древнеримские), но давно обрусели. Ср. в песне: «*Меня здесь русским именем когда-то нарекли*» и «*Иванами да Марьями гордилась ты всегда*». И это тоже их НКК.

Таким образом, каждое имя является носителем множества групповых коннотаций, о многом говорящих русскому человеку. Например: ВСЕВОЛОД — старинное (А), славянское (Б), «княжеское» (В), нейтральное (Г), редкое (Д), русское (Е). И этим характеристика имени не исчерпывается. Имена (как и фамилии) славянского происхождения могут быть с прозрачной ВФ (*Всеволод* — «всеми владеющий», *Людмила* — «людям милая», *Коровин* — от древнерусского дохристианского прозвищного имени *Корова*, которое, в свою очередь, восходит к ИН *корова*). (Заимствованные христианские имена ВФ утратили, тем более что форма этих имен по сравнению с первоисточником значительно искажена, но она восстанавливается и приводится в словарях имен и церковных календарях. Например, имена *Афанасий*, *Георгий*, *Евгений*, *Петр* — греческого происхождения (*athanasia* — «бессмертие»; *georgos* — «земледелец»; *eugenes* — «благородный»; *petra* — «камень»), а *Иван*, *Мария*, *Михаил*, *Яков* — древнееврейские (*Iohanan* — «бог помиловал»; *maria*, *marar* — «отвергнутая, горькая»; *Mikael* — «равный богу»; *Iagob* — «следующий») и т.д.

Поэтому имя, употребленное в речи, русскими соотносится с

определенным временем, социальной средой, территорией, происхождением и т.п. — это и есть их лексический фон. Многочисленные примеры таких «оценок» имен находим в литературе от Пушкина до наших дней. Например: *«Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например, Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдными»* или *«Ее сестра звалась Татьяна. Впервые именем таким Страницы нежные романа Мы своевольно освятим. И что ж, оно приятно, звучно, Но с ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье старины Иль девичьей»* (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»); *«Пусть читатель не думает, что автор из эстетических соображений назвал своих героев столь редкими исключительными именами — Тамара и Аполлон. Нет, именно так они и прозывались!... (М.Зощенко. «Аполлон и Тамара»); «Нет, Трофим — это все-таки как-то немодно. Я своего назову Юрием — в честь Гагарина. Это все-таки больше в духе эпохи (Е. Евтушенко. «Деревнина дочка»).*

Имена, кроме групповой, обладают еще и индивидуальной информацией, т.е. свойственной только им одним. Индивидуальная информация обычно имеет неязыковой характер (обусловлена практикой употребления, историей, ассоциацией с носителями и т.п.) и прямо относится к лексическому фонду имени или фамилии. Национально-культурная специфика их обусловлена:

А) употреблением в пословицах, поговорках, афоризмах (*Макар — куда Макар телят не гонял, на бедного Макара все шишки валятся; Емеля — мели, Емеля, твоя неделя; Варвара — любопытной Варваре на базаре нос оторвали* и т.п.);

Б) употреблением в народных сказках и былинах (*Василиса —* прецедентное имя *Василиса Премудрая*, героиня русских сказок; *Иван, Иванушка* — прецедентное имя героя русских сказок: *Иванушка-дурачок, Иван-царевич; Илья* — прецедентное имя героя русских былин: *Илья Муромец* и т.п.);

В) употребление в художественной литературе — прецедентные имена

известных персонажей (*Татьяна и Ольга, Евгений и Владимир, Руслан и Людмила, Герман и Лиза* — такие имена носили пушкинские герои, и они навечно с ними связаны);

Г) ассоциации с историческими лицами: *Александр* (ср. :Александр Невский, А.В. Суворов, А.С. Пушкин), *Юрий* (Юрий Гагарин), *Петр* (Петр I), *Кутузов* (фамилия русского полководца М.И.Кутузова), *Пушкин* (фамилия великого русского поэта А.С.Пушкина), *Грозный* (прозвище Ивана IV Васильевича, русского царя) и т.п.

На эти индивидуальные коннотации имен не раз обращали внимание в художественной литературе. Например, в стихотворении Л. Васильевой «Русские имена» прямо сказано об имени: «И живы в этой звучной силе / обозначенья твоего / те люди, что его носили / и обессмертили его».

Индивидуальная информация потенциально может быть у любого ИС, но реально есть лишь у некоторых. В нашем примере с именем ВСЕВОЛОД она может быть добавлена к уже выявленной групповой информации: «буйтур» Всеволод, брат князя Игоря, один из героев «Слова о полку Игореве» и оперы Бородина «Князь Игорь» (т.е. это имя является прецедентным).

То же самое можно сказать и о другом разряде ИС — [топонимах](#), которые изучаются в особом разделе ономастики [топонимике](#).

Тема 12. Национально-культурный фон русских топонимов

Топонимы — не просто географические названия, они обладают яркими культурными компонентами в своей семантике, групповой и индивидуальной информацией, которая и является их лексическим фоном. Н.И. Надеждин писал: «Топонимия — это язык земли, а земля есть книга, в которой история человечества записана в географической номенклатуре».

Групповыми информациями топонимов, к примеру, могут быть исторические и национальные коннотации:

А) осознание русским народом истории страны, ее основных событий и вех: *Киев* («*Киев — мать городов русских*»), *Новгород* («*Господин Великий Новгород*»); *Полтава*, *Бородино*, *Куликово поле*, *Чудское озеро* — память об исторических сражениях (ср.: «*Погиб, как швед под Полтавой*»; «*Недаром помнит вся Россия про день Бородина*». М.Ю. Лермонтов); *Сталинград*, *Брест*, *Ленинград* — память о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. («*С бою взяли город Брест, город весь прошли...*»); *Братск*, *Комсомольск* — память о великих стройках («*А Братск? А Сталинград?*»... Е.Евтушенко) и т.п.;

Б) осознание места каждого города в истории страны, его важности и значимости: *Киев*, *Москва*, *Новгород*, *Петербург* — столицы в разные исторические периоды («*Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова*»; «*Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось!*» А.С.Пушкин.) и т.п.;

В) осознание «русскости» имени реки или города и т.п. *Ростов*, *Суздаль*, *Владимир*, *Волга*, *Дон* — древнерусские города, великие русские реки (ср.: «*Люблю старинные названия Российских рек и городов. Они как будто изваянья Во мгле растаявших годов... О Русь, летящая над Доном, Я синевою твоей томим. Я окольцован, околдован Славянским именем твоим*». В. Сидоров); «*Волга — Вологда — Волгас — Жизнь, движение, вода. Инозначного толка Не приму никогда...*» О. Фокина);

Г) осознание внутренней формы названия и стоящих за ним имен и

смыслов. Очень удачно сказал об этом поэт С.Островой: *«Нет, я не безразличен к именам, Я слышу в них историю народа. Я рад, когда хорошим городам Названия дают мужского рода. Орел, Владимир, Грозный, Ленинград! Попробуй-ка сочти их всех в России. Я нашей славы слышу в них раскат И дальних предков подвиги живые».*

Индивидуальные коннотации дополняют групповые:

Волга («*О Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?»*... Н.А. Некрасов; «*Мы русские, мы дети Волги...*» Е. Евтушенко);

Москва, улицы Москвы («*Москва, Москва! Люблю тебя, как сын...*» М.Ю. Лермонтов; «*О, запекшийся в сердце моем / и зазубренный мной без запинки / белокаменный свиток имен / Маросейки, Варварки, Ордынки!*» М. Цветаева);

Россия («*И в твоём, Россия, чистом имени / Мне росинки всех не сосчитать...*») и т.п.

Особо значимые, «ключевые» топонимы могут стать именем концепта, например, *Москва*: столица России, город, центр, *первопрестольная, сердце, белокаменная, златоглавая, хлебосольная, «старушка», «матушка», «невеста», «большая деревня»* и т.п. (см. Г.П. Корчевская «Концепт Москва в русской языковой картине мира», автореферат, 2002).

НКК топонимов может носить региональный характер. Особо значимыми в лингвокультурологическом отношении оказываются «свои», местные названия, о многом говорящие жителям этих мест.

Так, большим лингвострановедческим потенциалом, связанным с историей края, обладают топонимы Приморья, среди которых можно выделить несколько тематических групп страноведческого типа: топонимы «исторические» (полуостров *Муравьева-Амурского*, залив *Посьета*, село *Шкотово*, город *Арсеньев* и др.), «географические» (поселок *Дунай*, село *Новая Москва*, деревни *Киевка, Астраханка*, гора *Камчатка* и др.), «христианские» (бухта *Преображения*, село *Троицкое*, город *Спасск* и др.), «идеологические» (село *Октябрьское*, поселок *Пионерский*, бухта

Комсомольская), «военные» (река *Солдатка*, ручей *Караульный*, поселок *Пограничный* и др.) и т.п.

Лингвистическую специфику антропонимов и топонимов и их культурный фон описывают в специальных ономастических словарях, в том числе и лингвострановедческих. Представим некоторые из них.

Ономастические словари (ономастиконы) — наиболее древний вид лексикографической продукции. Уже в первых русских азбуковниках описывались и имена собственные — преимущественно библейские и мифологические имена. Из словарей прошлого наибольший интерес представляют «Словарь древнерусских личных имен» Н.М. Тупикова (1903) и «Географический словарь русской земли» Н. Барсова (1865).

Из современных антропонимических словарей заслуживают внимания «Ономастикон» С.Б. Веселовского (Древнерусские имена, прозвища и фамилии, 1974), «Словарь русских личных имен» Н.А. Петровского (1984, 1996, 2000), «Словарь русских личных имен» (А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова и А.Г. Рыжкова, 1995), «Словарь русских личных имен» А.В. Суперанской (1998), «Словарь русских фамилий» В.А. Никонова (1993) и «Русские фамилии» Ю. Федосюка (1972, 1981, 1996), а также «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжиной. Все они содержат этимологию имен и фамилий, а словари имен приводят варианты и формы личных имен. Некоторые сведения культурологического характера (об известных носителях, литературных персонажах и т.п.) приводятся в «Словаре имен» (1996) и «Словаре фамилий» (1997) Е. Грушко и Ю. Медведева.

Русская (и мировая) топонимия описаны в «Кратком топонимическом словаре» В.А. Никонова (1966) и «Школьном топонимическом словаре» Е.М. Поспелова, на основе которого были составлены и следующие словари этого автора: «Географические названия мира» (1998, 2000) и «Топонимический словарь» (2002).

Чисто лингвистическим (без этимологии, но с грамматической характеристикой склонения топонимов) является словарь-справочник

Е.А. Левашова «Географические названия» (2000).

Во многих вузах подготовлены (или составляются) топонимические словари определенного региона России: «Топонимический словарь Центральной России» Г.П. Смолицкой (2003) и «Топонимический словарь Московской области» Е.М. Поспелова (2000), «Географические названия Урала» (1987), «Географические названия Свердловской области» (2000) и «Географические названия Тюменского Севера» (1997) А.К. Матвеева и мн. др.

Что касается лингвострановедческих ономастических словарей, то они существуют пока в проекте: см., например, в сборнике «Словари и лингвострановедение» (1982) проспекты топонимического лингвострановедческого словаря (Н.В. Подольской) и словаря русских фамилий (Ю.А. Федосюка).

Список использованной литературы

Основная

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов /В. А. Маслова. – М.: Академия, 2010. – 204 с.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие для вузов /О. А. Корнилов. – М: Университет , 2011. – 348 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие /Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука , 2010. – 283 с.
4. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие /А. Т. Хроленко; под ред. В. Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 181 с.
5. Караулов, Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования /Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович. – М.: Азбуковник, 2009. – 334 с.

Дополнительная

1. Акишина А.А., Акишина Т.Е. Круговорот имен. Имя в истории и культуре. - М.,1999.
2. Апресян Ю.Д. Наивная картина мира // Избр. Труды, т. 2. М.,1995.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж, 1996.
5. Богуславский В.М. Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы. – М., 1994.
6. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. – М., 1986.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. – М., 1997.
8. Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и грамматики. - М., 2001.
9. Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. М.,2001.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
11. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М., 1980.
12. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения - М., 2000.
13. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1988.
14. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. - М., 1997.
15. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. – М., 2000.

16. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: МГУ, 1990. – 150 с.
17. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. Учебник. – Спб., 2006.
18. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб., 2002.
19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.
20. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. - СПб., 2000.
21. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. - М., 2002.
22. Логический анализ языка. Культурные концепты. - М., 1991.
23. Логический анализ языка. Ментальные действия. - М., 1993.
24. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М., 2002.
25. Логический анализ языка. Язык и время. - М., 1997.
26. Логический анализ языка. Языки динамического мира. - Дубна, 1999.
27. Логический анализ языка. Языки пространств. - М., 2000.
28. Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. - М., 2004.
29. Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. - М., 2003.
30. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. - М., 1999.
31. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. - М., 1995.
32. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - Текст - Семиосфера - История. - М., 1996.
33. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. - М., 2003.
34. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. - СПб., 1999.
35. Понятие судьбы в контексте разных культур. - М., 1994.
36. Ростова Е.Г. Лингвострановедческий анализ и интерпретация художественного текста. - М., 1994.
37. Русское слово в лингвострановедческом аспекте. - Воронеж, 1987.
38. Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: Константы и динамика изменений. - СПб., 2003.
39. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. – М., 1989.
40. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. - М., 1993.
41. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996.

42. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
43. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
44. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация.- М.: ГИС, 2006. – 260 с.
45. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира.- М., 2003.
46. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М., 1989.
47. Фразеология в контексте культуры. - М., 1999.
48. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. – М., 2001. – 320 с.
49. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. - Материалы к словарю. – М.: ЯРК, 2002. – 229 с.
50. Язык и культура. - М., 1999.
51. Язык и личность. - М., 1989.
52. Язык о языке. - М., 2000.
53. Язык. Культура. Этнос. – М., 1994.
54. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян и др. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 ч.
55. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). – М., 1994.

Статьи

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. - М., 1991.
2. Андреева И.В., Баско Н.В. Русская деревня - XX век: Культурологический словарь. – М., 2003.
3. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. - М., 2000.
4. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. – Н.Новгород, 1995.
5. Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). – М., 1999.
6. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII- начала XX в.). - М., 2004.
7. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX вв./ Сост. Л.А.Глинкина. – Оренбург, 1998.
8. Макаров В.И. , Матвеева Н.П. От Ромула до наших дней.: Словарь лексических трудностей русской литературы. – М., 1993.

9. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.

10. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. - М., 2001.

11. Мифы народов мира: Энциклопедия. Том 1-2. – М., 1994.

12. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных. – М., 2004.

13. Складаревская Г.П. Словарь православной церковной культуры. - СПб., 2000.

14. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телии. – М., 1995.

15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М., 2001.

16. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. – М., 2002.

17. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русская фразеология: Лингвострановедческий словарь. – М., 1998.

18. Фелицына В.П., Прохоров Ю.А. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М., 1988.

19. Шарарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М., 2001.

Электронные ресурсы

1. <http://window.edu.ru/resource/605/73605> - Язык и культура: новый взгляд: сборник статей / сост. и отв. ред. Л.Ю. Щипицина; Е.В. Тряпицына. - Архангельск: Поморский университет, 2009. - 152 с.

2. <http://window.edu.ru/resource/485/73485> - Покровская Е.А., Дудкина Н.В., Кудинова Е.В. Речевые жанры в диалоге культур. - Ростов н/Д: Foundation, 2011. - 200 с.

3. <http://window.edu.ru/resource/887/66887> Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). - М.: Водолей Publishers, 2004. - 153 с.

ВВЕДЕНИЕ.....	3
§1. Язык как культурный код нации. Антропоцентрическая парадигма языка. Язык и личность. Лингвокультурология	7
§2. Языковая картина (модель) мира. Типы картин мира	10
§3. Когнитология (когнитивная лингвистика, лингвоконцептология). Понятие концепта. Ключевые концепты русской культуры. Лексический состав русского языка как зеркало ЯКМ. Методика лингвоконцептологического анализа.....	29
§4. Понятие лингвоспецифичной (россиеведческой) лексики. Безэквивалентная и неполноэквивалентная (фоновая).....	61
§5. Национально-культурные стереотипы языкового сознания. Когнитивная база и когнитивное пространство языковой личности.....	64
§6. Источники национально-культурных коннотаций. Прецедентные тексты. Направления изучения ЯКМ. Лингвокультурологические словари	66
§ 7. Национально-культурная специфика русской фразеологии.....	72
§ 8. Многослойность национально-культурной специфики.....	73
§9. Прототипы и образы русской фразеологии.....	76
Лингвокультурологические словари фразеологизмов	
§10. Ономастическая лексика и ее специфика. Имена собственные в отличие от имен нарицательных. Основные разряды ономастической лексики.....	79
§ 11. Национально-культурный фон русских антропонимов	83
§ 12. Национально-культурный фон русских топонимов	90
Список использованной литературы.....	94

Джавад Саид-Бурханович Файзуллаев

Лингвокультурология

Подписано в печать 15.12.2022. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Гарнитура Times. Офисная бумага. Ризографная печать
Усл.печ.л. 6,1. Тираж 100. Заказ № 16-11

Тел: (99) 832 99 79; (99) 817 44 54
Отпечатано в типографии ООО “IMPRESS MEDIA”
Ташкент, Яккасарой, ул. Кушбеги, 6.